

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 58 - 59

III - IV — 1960

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная Коллегия:

Франция: Прот. Василий Зеньковский, К. А. Ельчанинов, И. В. Морозов, Н. А. Струве. Америка: Прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская.

№ 58-59

СОДЕРЖАНИЕ

III, IV - 1960

1. Приветствие еп. Георгию по случаю его утверждения в должности Экзарха Русских Православных Церквей Западной Европы 1
 2. Год Л. Н. Толстого — прот. В. Зеньковский 1
 3. Церковь в ее историческом исполнении — А. В. Карташев 3
 4. Современное состояние сектантства в Советской России — Н. А. Струве 15
 5. Кто был первым епископом Киевским при Владимире Святом — Н. М. Зернов 35
 6. «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга перед свиньями» — свящ. Георгий Сериков 40
 7. Памяти Пастернака — Ф. А. Степун 46
 8. Голос провидческий — П. А. Струве 51
 9. Автобиография Антона Владимировича Карташева (1875-1960) 57
 10. Памяти проф. А. В. Карташева — прот. В. Зеньковский .. 61
 11. Памяти учителя — Л. М. Никольский 62
 12. Памяти А. В. Карташева — о. Алексей Князев 64
 13. Лев Платонович Карсавин — А. В. Карташев 72
 14. К десятилетию со дня смерти С. Л. Франка — прот. В. Зеньковский 79
- БИБЛИОГРАФИЯ
15. Статья-рецензия на книги о. Иоанна Мейендорфа — прот. А. Семенов Тянь-Шанский 80
- ХРОНИКА
16. Дело архиепископа Иова — П. А. Струве 84
 17. Съезд Студенческой Федерации в Страсбурге — И. З... 86
 18. Летний лагерь Р.С.Х.Д. — И. З. 86
 19. Осенний съезд Р.С.Х.Д. — В. В—в 86
 20. Впечатления об осеннем съезде Р.С.Х.Д. — А. Краевич 87

Подписная плата на год: 7,5 н.ф. С целью поддержки: 15 н.ф. Подписная плата на «Le Messenger Orthodoxe» de l'A.C.E.R. de langue française 6 н.ф.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

С.С.Р. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15.

4 N° par an. Abonnement annuel: 7,5 n.f. Prix du N° 1,75 n.f. Adresse de la rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15, France.

Чрезвычайное Епархиальное Собрание Западно-Европейского Русского Экзархата Вселенского Престола 12 июня 1960 г. предизбрало Преосвященнейшего Епископа Георгия на пост Экзарха. Святейший Патриарх Афинагор утвердил состоявшиеся выборы и возвел Преосвященнейшего Епископа Георгия в Экзархи, о чем извещает грамота Его Святейшества от 12 октября 1960 г.

Русское Студенческое Христианское Движение приносит поздравления Преосвященному Епископу Георгию по поводу утверждения его Святейшим Патриархом Афинагором в должности Экзарха Русских Православных Церквей в Западной Европе, в состав которого входит и храм Движения и приход при нем, и желает Его Преосвященству сил, здоровья и помощи Божией в предстоящих ему архипастырских трудах.

Прот. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ГОД Л. Н. ТОЛСТОГО

Русские люди только что отпраздновали столетие со дня рождения Чехова, — а уже надвинулся другой юбилей, тоже падающий на 1960 год, — юбилей Толстого. 50 лет тому назад, в ноябре 1910 года, скончался Лев Толстой — поистине «великий писатель земли русской», как сказал о нем Тургенев.

Как некий гигант с могучей душой и неиссякаемой творческой силой, Толстой занимает в русской культуре совершенно исключительное место. Да и не в одной русской культуре велико значение Толстого, — и Западная Европа и Америка и даже Индия испытали на себе огромное действие толстовского гения. И нынешний юбилей дает нам право и даже обязывает назвать этот год — **годом Толстого**.

Творчество Толстого было так многообразно, что нет ни одной сферы жизни, которой не коснулся бы Толстой. Но наиболее яркой и действенной чертой его личности, его творчества была его **моральная гениальность**. Толстой в последние десятилетия жизни был подлинной **совестью мира**; к его голосу прислушивались всюду, к нему обращались за советами из всех стран мира. С Толстым связана целая эпоха в духов-

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2
ИЧБ. 628

ной жизни мира, — и хотя эта эпоха уже прошла, но все более и более становится ясным, насколько творчество Толстого вобрало в себя все жгучие вопросы времени, все основные темы жизни. Его удивительная “Исповедь” без преувеличений может быть названа самым замечательным документом в истории духовных исканий XIX века.

Прямое влияние Толстого давно уже стихло и его темы сменились другими, но заслуга Толстого в том, что он отодвинул от нас навсегда предшествующий его времени век Просвещения, век упрощенного решения всех проблем и самодовольного рационализма. С Толстым в XIX век вошло суровое и критическое обличение предыдущей эпохи, — и в этом первое и главное значение Толстого в мировой истории. Конечно, кризис, глашатаем которого был Толстой, начался задолго до него; первым его пророком был Руссо, — и недаром Толстой так поклонялся Руссо. Надо указать и на то, что почти одновременно с Толстым кризис культуры был выявлен у нас Достоевским, на Западе Ницше. Но отличие Толстого от этих двух гениев заключается в том, что он не только литературно выразил кризис современности, но и пытался наметить основы нового стиля культуры, нового понимания жизни. Это не удалось Толстому, — ни его социальная утопия, ни его опыт переработки христианского учения, ни его критика современной науки, искусства, семьи, государства — все это не наметило положительных, новых путей. Толстой оказался могуч лишь в критике культуры, но слаб в построении новых путей творчества и жизни. И тем не менее с Толстым действительно связана особая эпоха русской и мировой истории.

Толстой был прежде всего и больше всего гениальный художник и недаром его эпопея “Война и Мир” является крупнейшим литературным произведением XIX века. Но Толстой был не только художник, — в нем была напряженная потребность **кардинальной реформы жизни**. Потребность эта исходила из его моральной гениальности — действительно, мораль занимала в его духе такое большое место, что можно с полным основанием сказать, что мораль поглощала в нем все иные творческие силы. Но этот **панморализм**, это подчинение науки, искусства, социальной, экономической, политической жизни требованиям суровой морали, — все это именно и было нужно миру, чтобы покончить с предыдущей эпохой, уже вырождавшейся, уже обанкротившейся.

Оттого проповедь Толстого звучала на весь мир, — и да-

же там, где она явно (напр. в “Крейцеровой Сонате”) была односторонней и неприемлемой, она все равно будила духовные запросы.

Толстой все же остался **лишь на пороге** той новой жизни, к построению которой он так страстно стремился; его проповедь открывала новые перспективы, но не могла их ввести в жизнь. Но ведь и мы стоим тоже все еще только на пороге новой эпохи! Что бы ни случилось в мире, все же возврата к тому, чем жили, чем услаждал себя XIX век, быть не может. Мир ждет новой жизни...

Если сейчас идет год Толстого, то мы не просто должны вспомнить все его изумительное творчество, перечитать его произведения, но мы должны ясно сознать, что мы, как Толстой, стоим лишь на пороге новой эпохи. Весь мир ждет этой новой эпохи, ждет перестройки жизни, — и это ожидание никем не было зажжено в душах с такой силой, как именно Толстым. В этом его величие, но в этом же и пророческое указание на то, что именно Россия скажет миру то “новое слово”, которое мир ждет так давно. В год Толстого надо перечитать все, что он написал, чтобы его гений вновь осенил нас для творческого возрождения и России и всего мира.

А. В. КАРТАШЕВ

ЦЕРКОВЬ В ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ*)

I.

Насколько осуществила Церковь свою миссию в истории? Чего больше у нее: побед или поражений? На этот вопрос нельзя ответить арифметически точным, бухгалтерски обозримым итогом.

Как и евангельская история, история церкви скорее является внешнему глазу в образе трагической **неудачи, поражения**. Победы ее можно видеть скорее только очами веры и надежды в перспективах эсхатологического оптимизма. Не надо забывать об этой положительной, торжествующей стороне эсхатологии. Как евангельская, так и церковная история — существенно **кенотичны, протекают в смиренном «рабьем зраке»** (Филипп. 2, 7). Ища

*) Настоящая статья, была напечатана в журнале Путь № 47, 1935 г.

в них одних триумфов славы Божией, можно быть наказанным за такую наивность разочарованием неверия.

«Христианство не удалось!» — такова формула некоторых из русских интеллигентских искателей истины, наспех определивших успехи и неудачи церкви в истории. Эта формула — грубая ошибка, если ее взять с тем позитивистическим смыслом, какой вложен в нее ее авторами. Но она свидетельствует о каком-то невыгодном внешнем впечатлении от истории церкви и звучит нам — сынам церкви — укором и предостережением против нашей самомнительной гордыни.

Есть две причины кенотического вида всей истории: и библейской и церковной. Есть **кеносис**, так сказать, **законный** и есть другой — **беззаконный**. Первый — от самой сущности «Божия снисхождения», от уничтоженного вида, хранение божественного откровения в неведомых миру шатрах патриархов — кочевников, затем в жалком, маленьком народце, попираемом гордыми империями Древнего Востока, вплоть до уничтоженного явления Сына Человеческого. Другой источник кеносиса, вносимый в историю откровения грешной человеческой волей. Это кенотика греха, не имеющая оправдания. В ней мы чувствуем себя виновными, как участники истории церкви. Поэтому неудачи церкви, ответственными за которые являемся мы, должны быть нелицеприятно признаны. Исправления их должны быть поставлены на очередь дня, как боевые задачи воинствующей церкви.

Каковы же удачи и неудачи церкви в самых общих чертах?

Миссия первохристианской Церкви — одно из чудес истории, бесспорная «победа победившая мир» (I Ин. 5, 4); победили не владыки мира, не *imperium romanum* и эллинская философия, а некое «ничто», вчера еще не существовавшее: маленькая секта маленького племени. Не мощь государства, а «бессилие» крови мучеников. Через крещение греко-римской нации и ее духовных наследников — европейских народов, к христианству перешла гегемония в мировой культуре вплоть до наших дней.

Но нам ясны и пределы этой победы, и ее **незавершенность**. Даже из народов, втянутых в орбиту греко-римской гегемонии, далеко не все и не целиком христианизовались. И из них огромные массы вскоре отпали, изменили христианству с приходом Ислама. Да и вообще греко-римский универсализм, фактическая «вселенскость — экуменичность» древней церкви были лишь символическими, субъективными. Объективно вне их миссионерского горизонта оставалось количественное большинство человеческого рода, целый океан цветных рас. Только новые века европейской истории и особенно XIX век с его миссионерским акти-

визмом, с переводами св. Писания более чем на 400 языков, впервые охватили проповедью христианства весь земной шар. Но тут еще резче обрисовался предел миссионерских побед. А именно — сопротивление главным образом древних культур Азии с их древними организованными религиями. Сопротивление, черпающее свою силу в усвояемых от христианских же народов методах организации и самозащиты. Ислам, буддизм, брахманизм, шинтоизм и другие формы натуральных религий держат в своей власти целый миллиард, т. е. две трети населения земного шара и **только одна треть** его (около 600 миллионов) принадлежит христианству. Этот показательный статистический факт, при всей широте миссионерских побед церкви новых времен сравнительно с классической эпохой греко-римской империи, не позволяет нам впадать в наивное самообольщение и успокаиваться на том, что церковь уже «научила все народы» (Мф. 28, 19), «до краев земли» (Де. 1, 8), «проповедала евангелие всей твари» (Мр. 16, 15). Лишь в настоящее время с безжалостной ясностью стало видно, как мы **еще далеки от цели**. Реальное, а не символическое только «научение всех народов» есть подвиг, почти неосуществимый в обозримой перспективе времени. Миллиардная толща нехристианских народов Азии становится тем более непроницаемой твердыней, что господствующий атеизм когда-то христианских европейских наций изнутри подрывает их миссию.

Также лишь в новейшее время обрисовалась вся серьезность еще одной преграды для полноты миссионерских побед. Внешне эта преграда может показаться тонкой, но качественно она — непробиваемая броня. Это — иудаизм, Израиль. Количественно небольшой народ, по своим фактическим силам и значению он — великая мировая нация. Свою особность она базирует на своей религии и в этом качестве противопоставляет себя всем христианским миссиям. Не есть ли этот непроницаемый для христианства фронт только последнее внутреннее сопротивление Савла — имеющемуся завтра явиться Павлу? Когда-то Павлово пророчество о спасении Израиля должно же начать исполняться? Но пока было бы слепотой не учитывать иудейства, как ярко обозначенного предела мировой миссии церкви. И, может-быть, предела более показательного, чем вся толща ислама, буддизма и язычества. На внешних весах истории тут явный неуспех церкви. Будем верить — до времени.

От миссионерского вопроса, который представляется количественным, перейдем к вопросу чисто качественному.

Успешно ли совершено и совершается строение и устройство церкви видимой — «единой, святой, католической и апостоль-

ской»? От дней Пятидесятницы очам веры открыт реальный факт явления в мире мистического тела Христова, как общества святых, духовно «новой твари во Христе» (Гал. 10, 15). Но достаточно ли мы строили на этом основании, хорошо ли сеяли, насаждали и поливали» (I Кор. 3, 6-8)? Явили ли миру достойные плоды этого мистического союза любви в достижениях братолюбия? Ведь взаимная любовь христиан это существенный признак, по которому Господь определил узнавать Его учеников (Ин. 13, 35). Между тем нехристианские народы видят в нас преимущественно носителей вражды, насилий и войн, а пред фактом конкурирующих христианских исповеданий останавливаются с укором, справедливо находя его противоречащим евангелию. В самом деле: не есть ли неспособность христианского человечества **сохранить** и укрепить **единство церкви** одна из грандиозных **неудач** христианства? Поражение, в свою очередь являющееся источником новых слабостей и новых поражений церкви. Явное бессилие в религиозной любви (Ин. 13, 35). Не вместили христиане вселенской широты церкви, стоящей выше «иудея и эллина», «плоти и крови», рас, языков и культур. Нации и языки, «плоть и кровь» одолели дух единства. Церковь распалась по граням различных культур, рас, языков. Почтенные попытки Рима и Константинополя сберечь единство Церкви на схеме латинизма или эллинизма оказались внутренне страдающими той же разделяющей узостью национальных умонастроений. Очевидно, для воссоздания единства церкви **нужна более широкая схема**, любовно возвышающаяся над неизбежным разнообразием переживаний и пониманий христианства разными народами. Нужен ключ большей, благодатной любви Христовой к секрету единства в разнообразии. Вмещение **разнообразия в единстве** есть одна из величайших тайн творений. Без сомнения и — «нового творения» — Церкви Царства Божия.

Грех разделения Церквей, подрывающий силу церкви, становится особенно вопиющим в наше время. Стремительно растущая быстрота всевозможных сообщений и связей превратила уже весь земной шар в единый клубок общей жизни и даже мечтает вырваться за его пределы, в космическое пространство. Не только хозяйство, техника, быт, но даже ходячие идеи стали интернациональными. Все активные силы, в том числе и злые, антихристианские, спешат организовать в мировом масштабе, как любят выражаться большевики, — «планетарно». Христианству уже противопоставлен единый мировой антихристианский фронт. Христианство с его плачевным разделением Церквей и дроблением на враждующие секты, является отсталым, старомодным, плохо вооруженным для самозащиты в новейшей обстановке, тем более

для наступления. Вместо вселенскости, которую оно же первое провозгласило, оно страдает порабощенностью множеству замкнутых партикуляризов. Церкви часто являют лик не вселенский, а провинциальный, уездный. Трагедия разделения церквей особенно остро чувствуется в настоящее время, и проблема воссоединения диктуется повелительно. Единство церкви не есть только мистическая цель в себе, «да все едино будут» (Ин. 17, 21), но и средство, **орудие** успешного выполнения Церковью ее исторического делания: **устроения царства Божия**, христианизации всей жизни, покорения всего под ноги Царя Христа (I Кор. 15, 24-28).

Преуспевает ли Церковь в этом? Царствует ли она в делах и начинаниях общечеловеческих? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы страшно стало на него с откровенностью и прямоотой ответить. Ответ должен быть дан отрицательный. **Церковь** не приобрела, а к нашему времени **утеряла** колоссально много — иногда кажется почти все — из того, чем она владела в древности и в средние века. Победив духовно греко-римскую Империю и за ней все европейские нации и их государственность, церковь проделала величественную работу теократического преобразования в своем духе всей культуры этого целого мира наций. Дала ему первенство на земном шаре и сама внешне оперлась на это первенство в своей мировой миссии. Но весь этот европейско-христианский культурный мир с некоторого времени (условно с эпохи Возрождения) внутренне изменил Церкви. **Произошло великое отступление**, утрата веры в христианское откровение. Мир передовых наций быстро де-христианизировался. Руководящей религией его стало некое новое свободомыслящее язычество или убежденная безрелигиозность. Здесь, в этой катастрофе паганизации бывшего христианского мира мы должны указать **главную неудачу церкви в истории**. Ушла из под ног почва веры в Христа и авторитет Церкви, на которой прежде строилась упрощенная теократическая христианизация жизни. Теперь не на чем созидать Град Божий. Пути к внешней теократии закрыты. Недостроенная теократия даже не разрушена (хотя во время безбожных революций и оскверняются алтари), а просто разлетелась как мечта, растаяла как облачный замок. Церковь стала не всем: не центром не вождем для человечества, а некоторым меньшинством, неглижируемым, иногда притесняемым и прямо гонимым. **Потеряна власть христианства над творческими устремлениями народов**, над их высшими организующими функциями: над государством и культурой. В душах и большинства рядовых людей, и масс и элиты — творцов и вождей народов на первое место встал самоопре-

деляющийся автономный человек, часто с враждой отметающий руководство Христа и Церкви. Но так как в этой моральной области нейтралитет ни психологически, ни духовно не может длиться, то на деле, вместо Христа-Царя, вместо христианской теократии все время возрастает напряжение полярно противоположных демонических сил **антихристианства, сатанократии**. Революционно волнующий в настоящую минуту весь мир социально-экономический вопрос почти всецело захвачен безбожными антихристианскими руководителями. Церковь запоздала и бессильно старается принять участие в его разрешении. Вопрос этот становится для Церкви не одним из частных вопросов общественной морали, а вопросом универсальным, центральным: или Церковь на нем проявит свою теократическую силу и вновь обратит ко Христу сердца большинства своих крещеных сынов с их страстным и законным желанием общего устройства на земле, или ее участие тут будет отвергнуто, и она понесет окончательное поражение, как сила общественно ненужная, как прибежище лишь личного, мистического благочестия.

Но социально-экономический вопрос ни сам по себе, ни в планах церковной активности не может быть вырван из его органической связи со всем целым процессом культурно-исторического строительства человечества. Нельзя церкви завоевать себе сколько нибудь значительную роль в этом вопросе, не заняв влиятельного положения в центральных, творческих позициях всей культуры. Иначе говоря — церковь должна себе вернуть утраченное ею теократическое положение. Не в смысле внешней власти — это архаическое понимание теократии — а в смысле идеологического господства. Не безнадежно ли уже это для церкви среди народов белой расы, променявших христианство на рационализм и атеизм, ведущий к разложению и гибели такой цивилизации?

Так трагично положение церкви в истории переживаемого нами времени.

II.

Каков будет исторический итог побед и поражений, если мы эту мерку приложим к Восточной Православной Церкви? Каков ее актив и пассив?

Мы берем Восточную Церковь в границах только Православия без отпавших от него церквей монофизитствующих, несторианствующих и униатских. Мы говорим о блоке Православных церквей, обнимающих в общей сложности до 140 миллионов хри-

стиан. Если сравним эту цифру с 280 миллионами римско-католиков и 190 миллионами протестантов, то мы должны уже почувствовать, насколько это значительная, веская треть всего христианского мира.

Что составляет главную похвалу этой церкви? То, что она сохранила свою веру, свое благочестие, свое богослужение, свою жизнь, почти в том первобытном виде и духе, как они сложились в первые три века христианства и во всяком случае в эпоху церкви древней, еще неразделенной, до IX века. Нет церкви более архаической, более близкой к самой колыбели христианства, к церкви палестинской, к среде евангельской, чем церковь Восточно-Православная. Ее созерцательное, аскетическое благочестие, ее культ, гимнология и молитвословия, вся религиозная «музыка души» у нее те же самые, какими жили еще праведники ветхозаветной иудейской церкви, принявшей Иисуса Христа: Симеон Богоприимец, Анна пророчица, Богоотцы Иоаким и Анна, Захарий и Елизавета, семья Праведного Иосифа и св. Девы, свв. апостолы и все первохристиане. Это атмосфера, родившая священные писания Нового Завета. Это с трудом искомое на Западе и искусственно, с большими ошибками против подлинника, реставрируемое первохристианство, церковь апостольская. Как путешественники в св. землю вдруг начинают без книжных ученых комментариев понимать тысячи деталей библейских, как в бедуинских шатрах Заиордания находят нетронутый тысячелетиями быт евангельской Палестины, так и погружающиеся с открытым сердцем в духовную жизнь Православной Церкви, западные христиане вдруг обретают первобытное, кажущееся кое в чем младенческим **христианство апостолов и древнейших отцов и учителей церкви**. С детской евангельской верой в постоянную близость к Богу, Христу, Богородице, святым и ангелам, к пророческим откровениям, наяву и во сне, с изобильными чудесами и исцелениями, с одолениями бесов и «всей силы вражией» (Лк. 10, 19; Мр. 16, 17-18). С благочестием, живущим как бы вне времени и истории, вне земных интересов созерцательно устремленным через непрестанные молитвы и богослужения в церковь небесную, в чаянии скорейшего конца времени и второго пришествия Господа. Церковь «отсталая» в своем развитии сравнительно с церквями Запада, не последовавшая за их «новизнами» и больше всего отрекающаяся в своих догматах и канонах от всяких «новизн» (*καινοτομια*) Но не музейная окаменелость, или дегенеративная реакция, подобно евионитству. Нет, это живая в своем ревнивном консерватизме река благодатной полноты христианской жизни, рождающая внутреннее ощущение единства сознания на-

шего с нашими апостольскими праотцами. У нас одна с ними любовь к Господу, одно эсхатологическое желание «разрешиться и быть со Христом» (Фил. 7, 23), желание мученичества за Христа, если не в прямом виде, то в преображенном виде новых мучеников-аскетов, «ради Христа распявших плоть свою со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Ни в одной западной церкви не звучит так первобытно этот **античный христианский мотив мученичества за Христа**. Через ежедневные памяти святых и мучеников по церковному календарю и тексту богослужебных «миней» (служб святым) мы привлекаемся непрестанно к идеалу мученичества и распятия за Христа, к идеалу страдающего героизма первохристианской эпохи.

Но этот первохристианский консерватизм православия не исключает, а включает в себя все плоды творчества золотого века греческого святоотеческого богословия и литургики, — эпохи семи вселенских соборов неразделенной еще древней церкви. Завершилась эта эпоха кровавой столетней борьбой (726-843) с новыми гонителями-императорами иконоборцами и вольнодумными политиками, насильниками над церковью. В марте 845 г. императрица Феодора возвратила мир церкви, мир новым мученикам и восстановление икон. Это «торжество православия», ежегодно повторяющееся в нашей церкви в 1-ое воскресенье великого поста, переживается каждый раз с живостью, как будто это вчера одержанная победа над гонителями церкви, а почитание икон и монашества вновь оживает, как будто это мученические трофеи одержанной победы. Вот почему антикультовый и антиаскетический дух реформации так чужд православию.

От твердого сознания себя верной хранительницей веры, литургики, жизненного уклада и аскезы первохристианства, Православная Церковь живет в полном **догматическом покое**. Ей чужды тревоги за подлинность своей догматики, каноники, литургики. Между сегодняшним ее днем и вчерашним не лежит никаких революционных пертурбаций. Из XX века, она непосредственно смотрит в IX-й и утверждает тожество своего самосознания сегодняшнего дня с своей античностью. Она не исказила веры.

Эта **чистота древне-церковной веры** — **главнейшая победа Православной Церкви над искушениями времени**.

Параллельна и совершенно аналогична этой победе другая вневременная победа Православия — в неоскудевающем **явлении и прославлении в ней святых**, — убедительных свидетелей изобилия даров благодати Духа Святого, в ней присутствующих.

Успокоенная внутренно на этих двух победах, т. е. на обладании догматической непорочностью и дарами святости, Право-

славная Церковь сознает и свои исторические поражения. Они связаны с **ее национальной судьбой**.

Православная Церковь не выработала для своего исторического существования достаточно независимой от нации и государства организационной формулы. Она доверчиво влилась со времени Константина Великого в форму бытия позднеримской (фактически греческой) нации и империи и чрез это стеснила свои сверхнациональные, католические, миссионерские достижения. Отталкивание от греческого национализма и империализма было важнейшей причиной отпадения от единства Церкви в древности, по поводу догматических споров, целого ряда национальных церквей: армянской, сирийских, коптской и эфиопской. Это же отталкивание породило в лоне самой православной церкви вековую борьбу с церковью греческой ее миссионерских дочерей за их каноническую независимость от греков. Боролись с греками от древних времен до наших дней, с разной степенью огорчений и ожесточений, не только канонически, но иногда и вооруженно, грузины, болгары, сербы, русские, румыны, арабы. Спасался этим ценный принцип национальных, местных церковных свобод. Но в эти отвоєванные автокефалии влился и вековой осадок взаимных отчуждений, **лишающий Восточную Церковь ее живого единства**. Автокефальные церкви общаются между собой в еще более слабой степени, чем самые нации государства. Вопрос об их сближении и соборной кооперации есть больной и очередной вопрос настоящего момента.

Тесная сопряженность Восточной Церкви с судьбой византийской нации и культуры, побежденных и ослабленных Исламом, повлекли за собой и великое **оскудение** в Православии. Границы распространения церкви сузились, миллионы были омусульманы. Заботы православных греков свелись к задачам сохранения остатков эллинизма. Всякие помыслы о миссионерском расширении православной Церкви угасли. Греческая Церковь их забыла. Из Сарры рождающей она вновь обратилась в Сарру бесплодную. Просвещение и богословское творчество понизились и пришли в упадок. Монашество умалилось и захирело. Оскудели и прославления святых. Благолепие храмов и культа утратило свою красоту, обнищало. Если бы не более молодые православные церкви Балканских стран и, в особенности, 100-миллионная церковь Русская, то великие и древние патриархаты греческие и арабские — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский составляли бы незначительную количественно археологическую редкость. Вся их паства, взятая вместе, едва преысит полмиллиона, в то время, как многие из 64 епархий России

имели в своем составе два, три и четыре миллиона православных.

Это не арифметическое и статистическое преимущество русской церкви над чтимыми нами за древность, но ослабевшими греческими патриархатами. Это преимущество является одновременно и качественным. Русская церковь в составе восточных православных церквей играет **особую, исключительную роль**. Она является историческим и духовным восполнением колоссальных потерь, понесенных древним греческим христианством. Она восстанавливает нарушенное завоевателем-Исламом равновесие сил Восточного Православия. Именно благодаря, главным образом, **Русской церкви** не умерла, а ожила **миссионерская работа православия на мировом поприще**. Русская Церковь христианизовала миллионы инородцев-финнов, тюрков и монголов на своей территории в Европе, на Кавказе и в Сибири. Весь север Азии крещен в православие русскими миссионерами. Они дали примеры героического апостольства и вынесли свет православия за пределы России: на Алеутские острова, Аляску и во всю Северную Америку, в Китай, Корею и Японию, создавая всюду богослужение на местных языках. Многие из нас питают мечту, что если великие народы Азии (Китай, Япония) когда-нибудь примут массовым образом христианство, то это будет восточная православная форма христианства и результат миссионерских усилий русской церкви. Залогом служит исключительный колонизаторский и мирно-ассимиляторский талант русского народа.

Вообще нужно признать, что в русском народе, **в России и ее Церкви Восточное Православие** получило тот **биологический резерв**, который оно потеряло с одряхлением и угасанием эллинской нации. После тысячелетия цветения на дрожжах греческой культуры, Православие теперь проходит тысячелетие возрождения на основе новой, молодой, жизнеспособной, плодоносящей и также **всемирной русской культуры**. Дар культурной всемирности не есть простое следствие государственного могущества, хотя и сопутствуется им обычно. Это — некая духовная невесомость, придающая бесспорное превосходство тому, кому она дана Провидением. Она почти не поддается рациональному определению. Она больше всего проявляется в очаровании искусств, литературы, в богатстве, силе, гибкости, тонкости и изяществе языка. **Гений языка** — это печать царственного избрания на челе народа. Русский язык, это не просто один из славянских. Нет, он язык **par excellence**. Он — из славянского материала выкованный язык человечества, равный другим всемирным языкам, древним и новым. Через сознание этой исключительности, особой внутренней силы и пророческой правды нашего языка мы непоколебимо зна-

ем о великом мировом призвании нашей культуры и нашей церкви, матерински воспитавшей эту культуру. Говоря так, при личности нашего большевицкого уничтожения и позора, мы можем показаться юродивыми. Но неизвестный автор конца книги пророка Исаии, вещавший о всемирной славе Сиона, в то время как Израиль жалкими кучками пленников сидел и плакал на реках Вавилонских, тоже вероятно казался смешным. Часто «сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). И иногда приходится брать на себя «безумие похвалы себе» (2 Кор. 11, 16.21), как Павел перед коринфянами, чтобы потрясти сознание слушателей, систематически затуманенное клеветами и предрассудками. А мы вообще утверждаем, что Россия и Русская Церковь в сознании западно-европейском исторически оклеветаны и искаженно представлены, особенно за последние 150 лет, благодаря систематическому, пристрастному очернению их со стороны озлобленных революционных эмигрантов — поляков, евреев и самих русских. Приходится повертывать руль против этой застарелой кампании лжи.

Итак историческое **будущее Православия** впредь провиденциально связано с **силами, заложенными в Русской Церкви**. Расцвет этих сил, которого мы ждем особенно по освобождении от насильственного ига безбожной красной диктатуры, несомненно увлечет, как и до сих пор увлекал, и всех других наших православных собратьев. Что Русская Церковь есть гегемон Православия, это знает всякий, кто хотя одним глазом мог наблюдать и сравнивать церкви Востока. В области благолепия и красоты церковного культа, Русская Церковь уже дала и дает такие достижения, которые, после Св. Софии Константинопольской, являются бесспорно первыми и несравнимыми не только на Востоке, но, можно смело сказать, и во всем христианском мире. Величие и убранство русских храмов, пышность их утвари, тончайшее мистическое искусство русской иконы, несравненная, чарующая, покоряющая красота церковного пения, особая религиозная красота и ритмичность исполнения богослужебных церемоний в главных соборах и монастырях, необычайное литургическое благочестие народа — все это в совокупности есть единственный в своем роде творческий факт в историческом осуществлении Церкви.

Прославление множества святых в духе и стиле этого культурного аскетического благочестия и чем ближе к нашим дням (XVIII, XIX и XX вв.), тем в большем количестве канонизованных и еще не канонизованных, есть неотразимое самосвидетельство Русской Церкви. Среди русских святых своеобразно новую серию составляют святые старцы, мистики и вместе писатели: св.

Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Феофан Затворник, о. Иоанн Кронштадтский, о. Амвросий Оптинский и др. Завершают эти ряды тысячи новейших мучеников, принесенных в жертву кровавому Молоху коммунизма. Это небесная слава Русской Церкви и ее благодатная сила, вдохновляющая ее к совершению ее исторической миссии — возглавления всего православия.

Объективным основанием для такой миссии Русской Церкви, свидетельством ее исторической зрелости служит ее богословская наука и творческая богословская мысль. По сравнительной молодости русской науки (менее трех столетий) она количественно уступает богатству наук римско-католической и протестантской, но качественно богословские труды ученых четырех русских Духовных Академий и отчасти Университетов стоят на мировом уровне и неизмеримо превосходят во всех отношениях отсталую или очень молодую богословскую науку других православных стран. Отличительную черту русского богословского творчества, на фоне древнего и нового православия, составляет почти неведомое другим православным церквям выдающееся участие в русском богословии мирян и светских писателей. Назову два общественных имени: А. С. Хомякова и В. С. Соловьева, не упоминая других, в том числе наших современников. Это — многообещающий показатель встречи в России и возможного синтеза культуры светской и церковной. При мистически глубоком отчуждении Восточного Православия от интересов культуры и жгуче волнующего нашу эпоху социального строительства, только в творческих порывах русского богословия просвечивает надежда на живую постановку и дерзновенное разрешение этих новых для Церкви проблем внутри Православия. Там, где сама общая литература (Гоголь, Достоевский, Лесков) православно церковна, где философия только христианская, и другой нет (Карпов, Кудрявцев, Каринский, Несмелов, Трубецкой, Лопатин, Лосский, Франк, Булгаков, Бердяев, Флоренский, Зеньковский), там и Церковь незаметно, любовно входит в гущу новейшего идейного и социального творчества. За этой небывалой еще в новейшем православии силой идейного полета (и при том чуждого легкомысленного модернизма) с увлечением следуют и богословы других младших по культуре православных церквей. Над древними же территориями Востока даже не веет это многообещающее дыхание животворящего возрождения Православия.

Меня спросят: сознаю ли я, что столь широкие упования я связываю с русской церковью в то время, как она почти заколочена в гробу большевиками? Да, именно я говорю это с полным сознанием, что сейчас для нас страшная ночь Великой Пятницы,

когда «Жизнь запечатана в гробе». Но мы знаем, что скоро наступит «третий день» — день Воскресения. Мы — веруем. Предоставляем иначе думать неверующим.

**

Как же сбалансировать в общем итоге исторические успехи и неудачи всей Церкви? Прежде всего — без вякого пессимизма пред неудачами. Вся священная история трагична, катастрофична, кенотична. Путь к конечному торжеству Царства Божия пролегает *per aspera*. Сейчас власть над земным шаром и над человечеством принадлежит не Церкви. Ее патриархальные, теократические опыты прошлого разрушены временем. Язычество, атеизм, секулярная культура господствуют над миром. Церкви надо воссоздавать свою духовную власть над людьми новыми путями и новыми методами. Новое «воинствование» Церкви, «воинствующей» для победы над гегемонией в человечестве секулярной культуры, должно быть без самообольщения и сомнения признано грандиознейшей и труднейшей задачей, превосходящей по трудности прежнюю победу Церкви над Римской империей. Для этой борьбы Церковь еще не собрала всех своих сил. Одним из первых актов ее боевой мобилизации должно быть прекращение междоусобной войны между христианскими исповеданиями, прекращение соблазна раздора церквей.

9. VI. 1934.

Н. А. СТРУВЕ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЕКТАНТСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ*)

Секты и сектантская идеология являются одной из излюбленных мишеней антирелигиозной пропаганды в Советской России¹). Объясняется это прежде всего несомненным ростом сектантских

*) Статья эта появилась в английском переводе в сборнике **Religion in the USSR**, Munich, July 1960, series I, № 59, изданном Мюнхенским Институтом по изучению СССР.

¹) В сборнике: **Почему мы порвали с религией**. (Москва, сент. 1959) сектантству уделяется свыше 100 страниц, вдвое больше, чем православной церкви.

организаций — многие из них заметно увеличились по отношению к до-октябрьскому периоду, и появлением целого ряда новых сектантских группировок. Но главная причина кампании против сектантства заключается не столько в количественном составе сект — сектанты составляют незначительный процент по отношению к православному населению²⁾ — сколько в их настороженном, а часто и открыто-враждебном отношении к советской общественности.

Сектантство — чрезвычайно сложный и многоликий мир. В него входят и старые русские секты — различные ответвления раскола, хлысты, скопцы, духоборы, молокане и т. д.; секты западного происхождения, появившиеся в России во второй половине 19-го века — баптисты, евангелисты, пятидесятники, меннониты и т. д. и секты новейшей формации, отколовшиеся по политическим причинам от православной церкви, или чисто местного характера.

Одной из особенностей сектантства является непрерывное зарождение новых разновидностей сект: так в 1897 г. появились на территории России 9 новых сект, что по мнению известного философа Владимира Соловьева свидетельствовало о религиозной напряженности русского народа; сорок лет спустя, в 1939 г., в разгар религиозных преследований, на одной Украине образовалось 12 новых сект³⁾; то же явление наблюдается и сейчас. По имеющимся у нас сведениям, самая недавняя секта появилась в 1957 году в Крыму под названием «Основное звено Христа»⁴⁾.

Изучение различных сектантских течений, чрезвычайно осложнено отсутствием конкретных данных. Большинство статей и брошюр ограничиваются общими сведениями и становятся крайне сбивчивыми в том, что касается численности, географического распределения и вероучения сект⁵⁾.

Единственная «научная» работа по современному состоянию сектантства ограничивается несколькими районами Тамбовской области, так что выводы ее имеют строго местное значение и не могут распространяться на другие области⁶⁾. Целый ряд сект нам известны лишь по имени, без каких либо других уточнений.

2) А. Еришев: *Религиозное сектантство и его сущность*, Киев, 1959, стр. 30.

3) *Антирелигиозник*, 5, 1939, стр. 22.

4) *Крымская Правда*, 7 сент. 1957 г.

5) «Знакомство с брошюрами о современном сектантстве, изданными в 1959 году показывают, что авторы некоторых из них еще не изучили основательно религиозную идеологию и верование отдельных сект». А. Волжанин. *Наука и Религия*, 3, 1960, стр. 95.

6) Л. Н. Митрохин. *Изучение сектантства в Тамбовской области*

А. СЕКТЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, СУЩЕСТВОВАВШИЕ ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Старообрядческие секты

Старообрядческий раскол, возникший, как известно, в XVII в. на почве исправления богослужебных книг и обрядов, в скором времени остался без иерархической поддержки и распался на два основных течения: поповцев, признающих церковную иерархию и беспоповцев, отрицающих ее, а заодно с нею все церковные таинства⁷⁾. Поповцы впоследствии раскололись на несколько течений: часть из них присоединилась к православной церкви (1801), другая, самая многочисленная, при содействии бывшего Боснийского митрополита Амвросия образовала в 1846 г. собственную церковную иерархию — т. н. Белокриницкую или австрийскую; наконец, третья часть, именуемая **беглопоповцами**, вербовала священнослужителей среди запрещенных или провинившихся попов Православной Церкви. Все эти направления, существуют и поныне. В состав Московской Патриархии входит несколько православных единоверческих приходов. Белокриницкая иерархия имеет свой центр при Рогожском кладбище в Москве и возглавляется архиепископом Москвы и всея Руси Флавианом Слесаревым. Старообрядческая архиепископия издает календарь, богослужебные и иконописные книги, причем она является единственным в Сов. России юридическим лицом, имеющим свою собственную, не государственную, типографию. По непроверенным данным численность старообрядцев австрийского толка достигает 3 миллионов (?) группирующихся вокруг 300 общин, обслуживаемых 200 священниками. Старообрядцы по-прежнему сильны в местности называемой «В Лесах» (Горьковская область). В поселке Чуполейка 260 дворов, один коммунистический клуб и 15 скитов. В поселке Подлесовка 5 скитов и нет клуба. Озеро Светлояр, на дне которого, согласно легенды, обретается святой город Китеж, является по-прежнему место многолюдных паломничеств. В Московской области старообрядцы насчитывают около 50.000 последователей⁸⁾.

(по материалам экспедиции АН СССР). *Вопросы Философии*, 1, 1960. Следует отметить, что и в ней цифровые данные даются только тогда, когда они невыгодны сектантским общинам.

7) По мнению беспоповцев все существующие православные иерархии, русская, греческая, восточная и т. д. «соблазнились» и тем самым недействительны. Отрицание, как видно, направлено не против иерархического принципа, а против иерархии данного исторического момента.

8) См. Pierré Pascal. *L'Eglise des Vieux-Croyants d'après ses calendriers «Russie et Chrétienté»* — 1949, № 34, pp. 167-168. — «Комсомольская Правда», 18-XI-1953: «*Trénikon*», 2-1947.

Часть беглопоповцев организовала в 1923 г. свою собственную иерархию при помощи некоего епископа Дистафия. Это направление именуется себя **Церковью древлеправославных христиан**. Во главе ее стоит архиепископ Москвы и всея Руси Иоанн. В декабре 1948 года трое священнослужителей этой церкви присоединились к православию⁹⁾.

Другая часть беглопоповцев имеет свой центр в городе Куйбышеве (бывш. Самара)¹⁰⁾.

Беспоповцы

Беспоповцы распались на большое количество различных толков и мелких сект. Основные сохранились и поныне. На Конференции всех церквей и религиозных объединений СССР в защиту мира во всем мире (Загорск, 9—12 мая 1952) были представлены следующие толки:

— Объединение старообрядцев старопоморов Преображенского толка. Основное ответвление так называемых **Феодосевцев**¹¹⁾, отвергающих брачную жизнь; центр его находится при Преображенском кладбище в Москве.

— Старообрядцы Гребенщики. Ответвление Феодосевцев, признавших в конце концов возможность брачной жизни для своих членов. Географически оно ограничивается Латышской республикой, где имеет около ста общин.

— Литовские старообрядцы или поморцы. Имеют свой центр в Вильнюсе, где, 27 января 1952 г. состоялся конгресс старообрядцев в Защиту мира, на котором присутствовало 37 духовных руководителей¹²⁾.

Помимо этих групп, имеются еще: — «филипповцы», «денисовцы», «кетовцы» и другие¹³⁾. Еще в 1939 году существовали такие крайние беспоповские секты, как «нетовцы», «дырники», и «скрытники»¹⁴⁾.

«В отличие от всех других сект, читаем мы в **Спутнике Атеиста**, старообрядчество не занимается активной пропагандой

9) Ж. М. П., VII, 1946, стр. 31; VI, 1950, стр. 40.

10) А. Еришев, *op. cit.*, стр. 18.

11) По имени некоего Феодосия, основателя старообрядческой колонии в Польше, впоследствии отделившейся от поморцев.

12) Conférence de toutes les églises et associations religieuses en URSS pour la défense de la paix dans le monde. Moscou, 1952, pp. 257, 225-230.

13) А. Еришев, *op. cit.*, стр. 18.

14) Антирелигиозник, 7, 1939.

своего учения. Поэтому рост секты происходит в основном лишь за счет семей старообрядцев. Это ограничивает базу распространения секты, но вместе с тем затрудняет и возможности не только лекционной, но и индивидуальной атеистической работы среди членов секты». Анти-общественные взгляды старообрядцев выражаются пассивно. Согласно **Спутнику Атеиста** — «не выдвигая каких-либо политических целей, старообрядцы в настоящее время стремятся лишь к тому, чтобы оградить своих членов от влияния жизни. Руководители сект запрещают брить бороду, носить платье современного покроя, пить кофе... Некоторые даже не едят из посуды, к которой прикасался человек другой веры»¹⁵⁾.

2. Хлысты и Скопцы

Секта Хлыстов — одна из старейших русских сект, появившаяся одновременно с старообрядчеством. Происхождение ее до конца не выяснено. Хлысты именуют себя **Божьими людьми** и верят, что Христос может воплощаться в отдельных людях — хлыстов, отсюда, вероятно, и наименование секты. Хлысты отвергают брак, но в своих экстатических танцах нередко доходят до оргий. Внебрачные дети именуются «христосиками». Сектанты делятся на «новый» и «старый» Израиль в зависимости от интенсивности их «радений». Деятельность секты запрещена советскими законами. Тем не менее она продолжает существовать. Сведения о ней крайне скудные. В гор. Рассказове (Тамбовской области) в 1959 г. имелось около 100 хлыстов. «Все они добывают средства продажей овощей, зерна, плодов. Почти все приусадебные участки хлыстов заняты под картофель, для продажи, т. к. сами хлысты не употребляют его в пищу, считая его «чертовым яблоком»¹⁶⁾.

Скопцы являются разновидностью хлыстовщины. Чтобы не погрешить против обета безбрачия они прибегают к оскотлению. Секта запрещена советскими законами и согласно **Спутнику Атеиста** перестала существовать¹⁷⁾. Тем не менее ее существование признается **Большой Советской Энциклопедией** 1947 г. и более недавно А. Еришевым¹⁸⁾.

3. Духоборы, Молокане, Прыгуны, Субботники

Секты духоборов и молокан, именующих себя «духовными

15) Спутник Атеиста, Москва, 1959, стр. 147-149.

16) Л. Н. Митрохин, *цит. статья*.

17) Спутник Атеиста, стр. 131.

18) А. Еришев, *op. cit.*, стр. 51.

христианами», имеют между собой много общего. Обе появились во второй половине XVIII в., не без влияния протестантизма, обе носят ярко выраженный рационалистический характер. Духоборы и молокане отрицают церковную иерархию, таинства и всю православную обрядность. Богослужения их состоят из пения псалмов, к которым молокане добавляют чтение и толкование Библии. Духоборы не признают за Библией значение высшего авторитета.

В отличие от хлыстов, духоборы и молокане стремятся на христианских началах перестроить общественную жизнь. В XIX веке они образовали богатейшие коммуны на реке Молочной. За отказ участвовать в государственной жизни, царское правительство выслало большинство духоборов и молокан в Закавказье.

В настоящее время духоборы, как будто продолжают существовать, но официально они не признаются советской властью. В 1939 году в Грузии (район Богдановка) было еще много сел целиком населенных духоборами¹⁹). Новейших данных о них не имеется. Возможно, что советская пресса избегает о них упоминать, ввиду присутствия в Канаде большого количества духоборов и ввиду шагов предпринятых к их репатриации.

Молокане, напротив, являются зарегистрированной организацией и были даже представлены на Конференции в Загорске в 1952 году. По словам их представителя, имеется несколько десятков тысяч молокан в одной Азербайджанской республике, в частности в Бакинской области. Общины молокан существуют также и на Дальнем Востоке и в Молдавии²⁰). На Тамбовщине, родине Молокан, секта, как будто, вымирает²¹).

В советской прессе нередко появляются статьи разоблачающие живучесть молоканской секты в Закавказье. «В Шемахинском районе, в поселках населенных молоканами, сектанты развили бурную деятельность... В селении Хильмили ни одна свадьба не обходится без религиозного обряда...» даже коммунисты соглашались «итти через все село, держась за полотенце под гнусавое пение псалмов»... «духовные пастыри» опутывают своими сетями молодежь, и бывают случаи, что под их воздействием юноши и девушки порывают с комсомолом...» «...даже в новых социалистических городах Сумгаите и Мингечауре заезжие сектанты умудрились открыть молельни и сеют среди молодежи свои ядовитые семена... Количество молельных домов отнюдь не снижается, между тем в Азер-

19) Антирелигиозник, 6 — 1939.

20) Литературная Газета, 30 окт. 1959 г.

21) Л. М. Митрохин, ук. статья.

байджане зарегистрирована только одна религиозная община, имеющая свой молельный дом в Баку. ...«Не превращается ли свобода вероисповедания, — спрашивает себя корреспондент Лит. Газеты — в свободу действий для дельцов от религии, а подчас и антисоветски настроенных элементов, которые несравненно спокойнее чувствуют себя в незарегистрированных нелегальных молельнях?» Молокане запрещают своим последователям ходить в театры, кино, клубы, читать газеты и светскую литературу.

В начале XIX в. от молокан отделились секты **Прыгунов** и **Субботников**.

Прыгуны, вероятно под влиянием хлыстов, устраивают на своих молельнях танцы со всевозможными прыжками. В их учение вкрались иудаистические мотивы (соблюдение Субботы, праздника Куш и т. д.). Деятельность секты отмечается в Шемахинском районе Азербайджанской ССР, в частности в селах Фиолетово-Лермонтово, где проживает потомок основателя секты Максима Рудометкина, Давид Рудометкин. Прыгуны, как и молокане — убежденные единоличники, не вступают в колхозы и посылают детей только в начальную школу²²).

Субботники — секта с ярко выраженными элементами иудаизма. Они признают Христа лишь как пророка, отвергают Троицу и следуют ветхозаветной обрядности. Перед Второй Мировой Войной моление субботников отмечалось в Сибири (Старая Зима), на Кавказе (Ессентуки, Прохлодненск) и в Западном Казахстане²³). Имеются в небольшом количестве субботники и на Тамбовщине (30 в городе Рассказове, 15 в гор. Мичуринске)²⁴). Численность субботников была не велика и до Революции (37173 в конце XIX столетия).

Иоанниты

Секта Иоаннитов образовалась в начале XX-го века среди неистовых поклонников Иоанна Кронштадтского, видевших в нем новое воплощение Христа. Иоанниты сохранились и по сей день.

Наука и Религия отмечает их деятельность в Черкасской области, в селе Оситняжка Златопольского района. Иоанниты проникли и в самый город Черкассы. Их руководитель Митрофан Коваль был осужден за антиобщественные действия. Влияние его было столь сильно, что партийные органы сочли нужным выпустить спе-

22) Литературная Газета, дек. 1959 .

23) Антирелигиозник, 8, 1937; Б. Кандидов. Церковь и шпионаж. Москва, 1931.

24) Л. Н. Митрохин, цит. ст.

циальную кинокартину «Конец науки», разоблачающую действия «отца Митрофана»²⁵⁾.

Имяславцы

Ересь, возникшая в 1912 году среди русских монахов на Афоне, отождествлявших имя Божье с самой сущностью Бога.

Небольшие группы имяславцев сохранились и по сей день. Журнал Московской Патриархии упоминал о их существовании в Майкопе, где они именуют себя «соляновцами»²⁶⁾.

Б. СЕКТЫ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ²⁷⁾

Секты иностранного происхождения — баптисты, адвентисты, евангелисты и т. д., появились в России во второй половине XIX в. и нашли в русском самобытном сектанстве благоприятную почву для своего развития²⁸⁾. Позже, уже при советском режиме распространились пятидесятники и иеговисты.

В настоящее время самыми распространенными и динамичными сектами являются евангельские-христиане, баптисты и адвентисты седьмого дня²⁹⁾.

1. Евангельские христиане, баптисты

«Церковь» эта состоит из объединения трех сходных, но ранее существовавших отдельно, сект: баптистов, евангелистов (бывших Пашковцев, распространившихся в конце XIX в. среди русской аристократии) и евангельских христиан или пятидесятников. Первые две секты объединились в Москве в октябре 1944 г., третья присоединилась к ним год спустя, в августе 1945 г. Но многие евангельские общины, особенно пятидесятников, до сих пор не признают этого объединения и существуют отдельно.

Объединенные секты управляются **Всесоюзным Советом Евангельских христиан-баптистов**, состоящим из 12 членов под председательством баптиста Я. Жидкова. Совет издаёт с 1946 года ежемесячный журнал «**Братский Вестник**», на 70 страницах. В нем помещаются статьи исторического и вероучительного характера, а также обзоры религиозной жизни общины.

²⁵⁾ Наука и Религия, 6, 1960, стр. 85.

²⁶⁾ Ж. М. П., 7, 1947.

²⁷⁾ Поскольку эти секты хорошо известны на Западе, мы не излагаем здесь их вероучения.

²⁸⁾ Следует уточнить, что меннониты появились раньше, при колонизации немцами Поволжья (конец XVIII в.).

²⁹⁾ А. Еришев, *op. cit.*, стр. 31. *Спутник Атеиста*, стр. 153-155.

Помимо **Вестника**, баптистами были изданы Псалтирь, Библия и сборник **Духовных песен**. Под ведомством совета находятся 6.000 общин, входящие в инспекторские округа, под наблюдением старших пресвитеров. Имеются старшие пресвитеры, как по областям, так и по республикам.

Возглавляется община пресвитером, который избирается. Избранный утверждается старшим пресвитером по области. Рукоположение совершается не сразу, а после того, как избранный проявит свои качества. Большинство пресвитеров в течение одного года или двух остаются нерукоположенными.

Евангельские христианские баптистские общины распространены по всей территории СССР. Особенно активны баптисты на Украине и на Дальнем Востоке. В Тамбовской области роста баптизма не наблюдается. В Харьковской области в 1954 г. было 56 общин и 6.000 верующих, в Киевской 170 общин. В 1954 г. в Черниговской области насчитывается 72 общины³⁰⁾.

Общее число крещеных евангельских христиан баптистов достигало в 1956 году 512.000³¹⁾. В 1916 г. баптистов в России было 60.000.

Даже если присоединить к этому числу евангелистов, то получается, что баптистская секта возросла примерно в 6 или 7 раз по отношению к дооктябрьскому периоду.

Секта баптистов продолжает расти и развиваться. За один 1956 год было крещено свыше 15.000 взрослых людей. Следует уточнить, что баптисты принимают в секту лишь после длительного испытания (духовного перерождения). Крещение происходит не в купели, а в живой воде.

Сила баптизма, как и прочих сект западного происхождения, состоит в обязанности каждого члена секты, активно распространять вероучение секты, приводить в год одного-двух неверующих ко Христу, активно выступать на молитвенных собраниях, следить за состоянием веры у других «братьев» и «сестер». При изменении места жительства, требуется обязательное подтверждение с места крещения.

Методы проповеди самые различные. Руководитель молельни в Йошкар-Ола записывает свои проповеди на магнитофоне и затем ходит по фабричным цехам, предлагая послушать слово Божье. (*Советская Россия*, 16 июня 1959 г.).

³⁰⁾ Мы порвали с религией, *passim*.

³¹⁾ Ж. М. П., V, 1956, стр. 61. Заявление секретаря Г. Карева: Если верить *Спутнику Атеиста*, на долю баптистов приходится более 2.000 общин и 250 тыс. верующих (*op. cit.*, стр. 153).

Особое внимание проповедники обращают на привлечение в секту молодежи. Для этого устраиваются так называемые «вечера любви», на которых под музыку разучиваются религиозные песнопения. На молитвенных собраниях в последнее время во многих общинах выступают также драматические кружки с представлениями на библейские темы.

Молитвенные собрания происходят обычно 3 раза в неделю, в среду, субботу и воскресенье. При общинах имеется «Буква», богоугодная касса взаимопомощи.

Советская пресса не скрывает, что среди баптистов много молодежи. «Как-то однажды зашла я, — пишет корреспондентка **Советской России** (9 авг. 1959 г.) — в молитвенный дом баптистов, чтобы ознакомиться с их деятельностью. И каково было мое удивление когда среди старушек и стариков я увидела десятка два юношей и девушек».

Почти все показания бывших баптистов, порвавших с сектой, исходят от совсем молодых людей.

«Куйбышевский молитвенный дом баптистов привлекает не только стариков и старух. Вместе с ними приходят и дети и учащаяся молодежь»³²).

Отношение к общественности у баптистов двойное. Главари секты участвуют в движении Борьбы за мир, ездят в командировки за границу, принимают у себя иностранных гостей и т. д... Но в частной жизни баптисты предъявляют довольно строгие требования. Все, что выходит за рамки религиозной жизни общины, они считают «греховным», «суетным». Верующим рекомендуется избегать таких «соблазнов», как театры, кино, лекции, концерты, радиопередачи. Некоторые пресвитеры запрещают членам даже читать газеты, иметь дома радио, обучать детей в школе, общаться с инаковерующими и т. д.³³).

Евангельские христиане отличаются от баптистов внутренним устройством общины, которая управляется не пресвитером, а «братскими советами». Обе секты входят издавна во **Всемирный союз баптистов**.

Пятидесятники, при вступлении в союз с баптистами, отказались от своих мистических обрядов. Но фактически большинство пятидесятников продолжают их исполнять. В народе их обычно называют **Трясунами**. Речь о них будет ниже.

³²) «Учительская Газета», 7 июня 1959.

³³) Спутник Атеиста, стр. 154.

2. Адвентисты седьмого дня

После баптистов, адвентисты седьмого дня (в просторечии «субботники») — самая распространенная секта в Сов. России. От баптистов их отделяют празднование субботы и учение о смерти души и о скором конце мира. До революции адвентисты были немногочисленны: в 1911 г. их насчитывалось не многим больше 13.000. Согласно заявлению представителя секты на Конференции в Загорске (1952), в настоящее время имеется в СССР 300 общин адвентистов. Рассказы бывших адвентистов, порвавших с сектой, показывают, что секта распространена, главным образом, в западных областях Украины (Львовская, Дрогобичская, Волынская, Закарпатская области³⁴). Но имеются общины и в других частях СССР, напр., в Иокшар-Оле, Башкирский АССР (см. Сов. Россия, 16 июня 1958 г.). Основные запреты адвентистов: не есть свинины, по субботам не выходить на работу, не посещать общественные и культурные заведения, не встречаться с неверующими.

В Молдавии и западных областях Украины еще встречается малочисленная секта адвентистов-реформистов, отколовшаяся от адвентистов-субботников в 1914 г. Реформисты требуют точного и безусловного исполнения обрядов, в частности — субботы; отказа от военной службы; запрещают носить нарядные платья, посещать зрелища, читать художественную литературу. Членам секты запрещено вступать в брак. Реформисты не имеют молитвенных домов и ведут, главным образом, индивидуальные беседы на рынках, в парках, столовых, магазинах. Они отказываются от службы в Советской армии, от участия в выборах, в общественной жизни³⁵).

3. Пятидесятники-трясуны

«Трясунами» — в просторечии называются те пятидесятники, которые сохранили на своих молениях экстатические способы молитвы. В частности пятидесятники «трясутся» и «пророчествуют» непонятными словами («глоссолалия»). Этими обрядами они напоминают хлыстов и молокан-прыгунов.

В последнее время пятидесятники в СССР, основываясь на Библии, предсказывают весьма конкретно время второго пришествия Христа в 2000 году. Для отправления своих обрядов пятидесятники не имеют специальных зданий, а собираются у кого-

³⁴) Почему мы порвали с религией, стр. 146-159.

³⁵) Спутник Атеиста, стр. 160-161.

либо на квартире, как правило небольшими группами³⁶). Летом их собрания имеют место и в лесах.

Пятидесятники-трясуны распространены по всей СССР: в Литве, на Украине, в Днепропетровской, Брянской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Казанской, Свердловской областях, в Башкирской АССР (где одно из гнезд секты в рабочем поселке Красногорск), в Сибири, на Дальнем Востоке, где город Находка стал своеобразной «Меккой» трясунов. Туда переселились целый ряд сектантских семей из Сибири в чайнии небесного ковчега, долженствующего спасти верующих от всемирной гибели³⁷).

Трясуны призывают своих членов не посещать театры, кино, клубы, собрания, не слушать радио, не читать газет, по мере возможности не служить в Советской Армии. Наиболее усердным трясунам присваиваются отличия и звания пророков с одним, двумя, тремя «венцами». Каждый сектант в течение определенного времени должен обратиться к вере своих знакомых или соседей.

Собрания происходят крайне секретно, рядовые сектанты не должны знать много друг о друге. Согласно советской печати, трясуны имеют несомненный успех среди молодежи, в частности, в рядах Советской Армии³⁸).

Деятельность пятидесятников-трясунов запрещена советскими государственными органами³⁹).

4. Меннониты

В настоящее время на территории СССР имеется около 50.000 меннонитов (столько же, сколько в конце XIX в.) — бывших немецких колонистов. Большинство из них находятся в Сибири. Представители советских меннонитов не смогли участвовать на Всемирном Конгрессе их секты, имевшем место в 1957 г. в Карлсруе, так как советская власть отказала им в выездных визах.

Следует отметить, что еще в 1928 г. советские меннониты разрешили своим членам отбывать воинскую повинность.

5. Иеговисты — Свидетели Иеговы

В России иеговизм имеет два направления: ильинское, русского происхождения, и руссельско-рутерфордовское, американского происхождения, которое и называется «свидетели Иеговы».

36) Ibid, стр. 159.

37) Литературная Газета, 14 марта 1959 г.

38) Почему мы порвали с религией, стр. 126-145.

39) Наука и Религия, 5, 1960, стр. 84.

Иеговисты-ильинцы (по имени основателя штабс-капитана Н. Ильина), возникшие в 40-ых годах XIX века, проповедывали своего рода манихейство (борьбу между Иеговой-Христом и непокорным сыном Иеговы Люцифером). Упоминая об ильинском направлении, **Спутник Атеиста** ничего не говорит о современном состоянии этой секты⁴⁰).

За последнее время в советской печати появилось целый ряд статей, разоблачающих антисоветскую деятельность **Свидетелей Иеговы**.

Свидетели Иеговы возникли в США в результате раскола секты адвентистов в 1872 г.

Современный облик секта приобрела уже в XX стол., когда во главе ее, по смерти Русселя, стал Рутерфорд. Центр секты находится в Бруклине.

По своему учению Свидетели Иеговы имеют мало чего общего с христианством. Это своеобразная смесь апокалиптических и теократических чаяний. В результате всемирной войны Армагедон, Бог — Иегова уничтожит с лица земли все существующие государства и создаст свою теократию, в которую войдут только последователи секты.

В Сов. Россию секта свидетелей Иеговы появилась во время второй Мировой Войны при присоединении к СССР западных областей, в частности, Молдавии и Латвии. Деятельность секты усилилась уже в после-сталинское время, в связи с освобождением из лагерей большинства возглавителей секты.

Для секты характерны крайние анти-общественные убеждения. Иеговисты отказываются от всего, что укрепляет советский строй, не участвуют в выборах, не подписываются под воззваниями Всемирного Совета Мира, враждебно относятся к профсоюзам и т. д...

Секта, по словам «Спутника Атеиста», представляет собой чрезвычайно законспирированную организацию. Низовые ее ячейки-кружки, объединяющие 15-20 человек, составляют группы, группы объединяются в так называемые стрелы, стрелы подчиняются краевому бюро, который руководит работой всей организации в стране. Руководители называются «слугами Иеговы». Послушание руководству — одна из отличительных черт секты. Иеговистские собрания, специально посвященные воспитанию в послушании, называются «теократической школой».

За последние годы в советской печати стали появляться от-

40) Стр. 161.

четы о процессах, učinенных свидетелям Иеговы за антисоветскую деятельность и сношения с американским центром. В 1957 г. состоялся процесс возглавителей сект в Казахстане, (подпольные ячейки существовали в Уст-Каменогорске, Текели, Караганде и других местах)⁴¹⁾ и в Молдавии⁴²⁾. Совсем недавно, в Первомайске, Николаевской области УССР, судились четверо «главарей иеговитского подполья». Обвинение основывалось на 7 и 9 статьях Закона от 25 декабря 1958 г. об уголовной ответственности за государственные преступления.

Сектантам вменялось в вину получение и распространение иеговистской литературы из Америки («Башня Стражи», «Князь Мира», «Вартова башня»); и отказ от участия в общественной и политической жизни. Советская печать представляет иеговистов, как прислужников воинствующего милитаризма, как закамуфлированную политическую организацию, но все подсудимые выступали с заявлениями о строго-религиозном характере их секты⁴³⁾.

Процессы иеговистов имели место и в других областях (в частности, в Томске). Секта распространена, главным образом, на Украине, в Молдавии, Сибири и на Севере. Есть сведения о наличии Свидетелей Иеговы в Мценске, (Орловская область), Краснодаре (Кубанская область)⁴⁴⁾.

Иеговисты отличаются чрезвычайным усердием в распространении своего учения, особенно путем листовок. В Перми эти листовки вкладывались в почтовые ящики каждого дома. При аресте иеговистов были найдены пишущие машинки, ротаторы и т. д. Бывший иеговист свидетельствует, что у сектантов «к каждому свой подход, учитывающий его личную жизнь, умственное и физическое развитие⁴⁵⁾».

О численности Иеговистов не имеется никаких сведений. Секта эта имеет ограниченное распространение и на Западе, (226 тысяч в США, 62 тысячи в Германии, 42 тысячи в Великой Британии).

В. СЕКТЫ МЕСТНОГО ХАРАКТЕРА

Среди многочисленных сект, чисто местного характера⁴⁶⁾, вы-

41) Казахстанская Правда, 1-9-1957.

42) Советская Молдавия, 1-3-1957.

43) Комсомольская Правда, 15-6-1959.

44) Наука и Религия, 4, 1960, стр. 35-40.

45) Почему мы порвали с религией, стр. 183.

46) Есть целый ряд мелких сект, о которых мы не имеем точного представления. К таким принадлежат «Воронаевцы», которых «Спутник Атеиста» помещает в группу «Пятидесятников», и «Иовцы», «Уршанцы», «Иисусовцы», «Смородинцы», «Самосжигающие» и т. д.

деляются своими ярко выраженным религиозным или общественно-политическим характером две: «иннокентьевцы» и «мурашковцы». «Спутник Атеиста» ошибочно рассматривает их, как отдельные направления пятидесятников (стр. 157).

1. Иннокентьевцы

Секта была основана иеромонахом Балтского монастыря Иннокентием Левизором. Иннокентьевцы проповедуют неминуемость светопреставления, отрицают брак и семейную жизнь, запрещают в случае болезни прибегать к медицинской помощи, воздают особое почитание Архангелу Михаилу. При проведении социалистических реформ в Молдавии, Иннокентьевцы отказывались вступать в колхозы, сдавать зерно государству и т. д. В 1945-46 г. в Бельцах создавалась община иннокентьевцев с ярко-выраженным монархическим характером. Сектанты уверяли, что члены Царской семьи остались в живых. Двое сектантов выдавали себя за уцелевших царевича (Алексея) и Великую княгиню Анастасию⁴⁷⁾.

Согласно Спутнику Атеиста, «ряд судебных процессов последнего времени показал, что в целях усиления религиозного фанатизма, иннокентьевцы заживо погребали детей и даже убивали людей, которые могли бы разоблачить их дела. Так в тайных «комнатах смерти» в г. Бельцы было обнаружено девять трупов. Среди них, как показала судебная экспертиза, были и погребенные заживо. В тайниках были найдены также украденные и воспитанные в подземельях дети, которых убедили в том, что они прямо происходят от святого духа⁴⁸⁾». «Советская Молдавия» утверждала, что обнаружены еще далеко не все «тайники» секты⁴⁹⁾.

2. Мурашковцы

Мурашковцы с большим правом могут быть названы ответвлением пятидесятников, так как основатель этой секты, уроженец дер. Размерки Брестской области, Иван Мурашко — бывший пятидесятник. По мнению Спутника Атеиста, секта возникла в 20-х годах XX ст. «в результате влияния на пятидесятников хлыстовских обрядов». Особенностью ее учения является вера во второе крещение и чудесный выход в Палестину на гору Сион⁵⁰⁾.

Л. Н. Митрохин в комментариях к показаниям бывших мурашковцев порвавших с религией, рисует несколько иную карти-

47) Советская Молдавия, 3-7-1957.

48) Стр. 158.

49) 3-7-1957.

50) Стр. 158.

ну. Он утверждает, что секта является сочетанием «иудаизма, христианства и сохранившихся еще кое-где языческих обрядов», с ярко-выраженным социальным характером. Мурашковцы продали свое хозяйство и учредили своего рода коммуны «Сион», отцом кот. стал Мурашко. Впоследствии бывшая баптистка О. Ковальчук была объявлена «св. матерью Сиона»⁵¹).

Спутник Атеиста дает несколько подробностей, относительно обрядов секты. «С тела каждого поступающего в секту снимается 7 печатей — надрезов в виде креста. Кровь из этих надрезов мурашковцы использовали для причащения, смешивая ее с вином. При вскрытии тайных мест для молений, находили десятки литров такого «вина». Молитвенные собрания проводятся по ночам в лесу, с танцами, которые нередко оканчиваются свальным грехом».

Секта «сильно возродившаяся после Второй Мировой Войны» (Л. Н. Митрохин, ук. ст.), распространена, главным образом в Белоруссии (Брестская, Пинская области) и в соседних областях Украины (Ровенская, Волынская и др.).

Если верить рассказу бывшего мурашковца, порвавшего с сектой, «под видом религиозных обрядов секта проводила подпольные собрания, велась разнузданная антисоветская пропаганда. Мурашковцы проповедовали неверие в построение коммунизма в СССР, пророчили неминуемую гибель Советской власти, всячески дискредитировали советские органы, призывали чинить препятствия всем мероприятиям Советской власти. Правила секты запрещают верующим служить в Сов. армии, работать в колхозе, посещать клубы, смотреть кино, читать советскую литературу.

При секте была создана «молодежная» организация под названием «воинство христово». Молодые члены воинства не могли общаться с детьми, не членом секты, должны носить нагрудные знаки.

За свою антисоветскую деятельность, мурашковцы подверглись в недавнее время административным репрессиям⁵²).

Г. СЕКТЫ НОВЕЙШЕЙ ФОРМАЦИИ

Коммунизм в России не только не прекратил существование сект, но создал благоприятные условия для их распространения. Преследование церкви, ломка всех жизненных устоев породило в 20 и 30 годах множество новых сект апокалиптического и противогосударственного характера, получивших в советской печати об-

51) Почему мы порвали с религией, стр. 163.

52) Там же, стр. 163-167.

щее название «краснодраконовцы», «Краснодраконовцы» отождествляли Советское государство с Драконом «Откровения» и призывали своих последователей, всячески — активно или пассивно — сопротивляться установленным властям.

Перед Второй Мировой Войной существовали следующие краснодраконовские секты:

— **Федоровцы** (по имени создателя секты монаха Федора Рыбалкина) появились в 1923 г. в Донецком бассейне и быстро распространились по всей России. Главари секты были пойманы и казнены в 1930 г. в Воронеже⁵³).

— **Чернохристовцы**. В 1939 г., действовали на Украине. Члены этой секты не прикасались к советским газетам ни к государственным деньгам.

— **Люди которые не знают числа**, на Украине, отказывались от всякой планификации и употребления цифр⁵⁴).

— **Молчалиники** — молчали, чтобы не иметь никаких отношений с советской властью и теми, кто ее принимают⁵⁵).

Согласно **Большой Советской Энциклопедии**, краснодраконовские секты существовали и после войны⁵⁶).

Возникновение в 1949 г., в Ставропольской области, секты «Вознесенцев или белимовцев», показывает живучесть апокалиптических чаяний русского народа. В мае 1949 г., в колхозе «Рабочий» Китаевского поселка, несколько колхозных семей, последователей некоего Белимова, бросили работать, продали свое имущество, сожгли все свои письма и фотографии и собрались на улице в ожидании «вознесения на третье небо», которое, согласно пророчеству Белимова, должно было произойти между 25 мая и 15 июня⁵⁷).

Истинно Православные Христиане (ИПХ) и

Истинно Православная Церковь (ИПЦ)

За последние два-три года в советской прессе появилось много материала, относительно двух новых религиозных групп, отколовшихся от официальной Православной Церкви «в тот период, когда она выступила за лояльное отношение к Советской

53) А. Лунин. **Федоровцы-крестоносцы**, Москва, 1930.

54) **Антирелигиозник**, 5-1939, стр. 22.

55) *Ibid.*, 1-1939, стр. 12.

56) В. С. Э., столбец 1785.

57) **Лит. Газета**, 31-IX-1949, «Китаевские Святоши».

власти» (тут имеется ввиду декларация митрополита Сергия 1928 года⁵⁸).

Приверженцы, как ИПХ, так и ИПЦ «не признают действующих церквей, патриарших церковнослужителей объявляют «слугами антихриста», а себя считают последователями патриарха Тихона и его направления. Сохраняя догматику и обряды православной церкви, они проповедуют скорую гибель мира и расценивают современную эпоху, как непосредственное преддверье конца света, когда в мире «царствует» антихрист. Для того, чтобы прельстить людей, антихрист «расставил свои сети, которых насчитывают до 77». Верующий должен тщательно избегать их и поэтому не должен работать в колхозе (таково неперемное условие для вступления в ИПЦ и в ИПХ), не принимать участия в выборах и общественной работе, подписываться на заем, служить в Советской армии, учить детей.

Согласно этой характеристике, ИПЦ не является сектой в строгом смысле этого слова, во всяком случае по своему происхождению, а представляет собою оппозиционную, нелегальную церковь. К сожалению советские источники не договаривают, обладает ли ИПЦ своей церковной иерархией и священнослужителями... В Тамбовской области приверженцы ИПЦ и ИПХ совершают богослужения на «святых источниках», которых до последнего времени «было не мало». У родников и озер по большим церковным праздникам собирались «толпы верующих». «С раннего утра до темноты богомольцы пели песни, молились, а многие и купались в источниках. Там встречалось много всякого рода «юродивых», «калик», «странников», «пророков», выдававших себя за бывших церковных руководителей, пострадавших за веру и даже за уцелевших членов царской семьи (например, за вел. князя Михаила).

ИПХ носят более сектантский характер, чем ИПЦ. Они отвергают брак и чадорождение, на вопрос, кто вы? отвечают неизменно «раб Божий», а на вопрос — как звать? — «Бог знает».

Живут крайне уединенно и замкнуто, некоторые из членов ИПХ ведут странническую жизнь. В советской прессе ИПХ расценивается обычно, как «контрреволюционная монархическая организация».

ИПЦ и ИПХ распространены, как будто по всей России⁵⁹).

⁵⁸) Все сведения об ИПХ и ИПЦ взяты из работы Л. Н. Митрохина: Изучение сектантства в Тамбовской области, *Вопросы Философии*, 1-1960.

⁵⁹) На Алтае имеются целые сектантские поселки ИПХ, см. *Наука и Религия*, 3, 1960, стр. 53-56.

Согласно Л. Н. Митрохину, наибольшая их активность приходится на 1948-1950 (т. е., разгар сталинского послевоенного террора) когда, «руководители этих групп стремились привить верующим людям антиобщественные взгляды, и вели работу по вовлечению новых членов».

Ныне же «эти группы, как организованные коллективы, фактически больше не существуют, многие, в том числе вожаки, отошли от своих прежних взглядов и деятельности»⁶⁰).

Следует добавить, что члены ИПХ и ИПЦ за последние годы подвергались неоднократно административным репрессиям⁶¹).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наш далеко неполный обзор сектантских группировок в СССР, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Сектантский мир чрезвычайно сложен и многообразен. Трудно говорить о росте сектантства в абсолютном смысле. Поскольку мы можем судить, старообрядчество и вышедшие из него секты сохраняют свои позиции, благодаря замкнутой жизни. Старые русские секты продолжают существовать, но уже, как пережитки, так как их учение не соответствует современным проблемам. Зато наблюдается непрерывный рост сект западного происхождения: успех их обуславливается их проповедническими методами, (индивидуальная работа), опрощением догматического вероучения и упором на моральную жизнь человека.

Наконец возникло большое количество новых апокалиптических и противогосударственных сект; их деятельность, особенно успешна в моменты внутреннего и международного напряжения.

2. Численность сектантов в целом — нам не известна. Вероятно она достигает нескольких миллионов (двух-трех), включая старообрядцев. Секты имеют распространение по всей России, но место их наибольшей активности являются Западные области (Украина и Белоруссия), Крайний Север, Сибирь, Дальний Восток. Из брошюр, изданных местными издательствами в

⁶⁰) Ср.: *Наука и Религия*, 3, 1960, статья А. Волжанина, стр. 95: «Что же касается «ИПХ» — этих закоренелых врагов всего советского и ярых сторонников «царствующего дома Романовых», — то кое где сохранились от них лишь жалкие остатки.

⁶¹) См. *Социалистический Донбас*, 16-5-1957: *Ворошиловоградская Правда*, 29-9-1957, цит. А. Ерышевым.

1959 г. против сектантства, три приходятся на Дальний Восток, (Хабаровск, Владивосток, Приморское изд.), одна на Север (Сыктывкар), одна на Украину (Киев), две на Сибирь (Красноярск, Иркутск) и лишь одна на Европейскую Россию (Орел)⁶²).

3. Но значение сектантства не определяется его численностью.

В отличие от православной церкви, все сектантские группировки призывают своих членов — каждая по разному и в разной степени, в соответствии со своим религиозным учением — не принимать участия в тех или иных проявлениях советской жизни. В этом смысле сектантство, как целое, являет собой социальную оппозицию советской власти и насаждаемому ею строю. В учении сект советские люди и, в частности, молодежь находят не только утоление своих религиозных чувств, но и возможность выразить оппозиционные настроения. Распространению сектантства способствует также ослабление православной церкви, отсутствие распространения православного учения путем печатного слова. До сего времени есть города и местности фактически не обслуживаемые Православною церковью. Вполне естественно, что именно там зарождаются сектантские общины, не нуждающиеся в иерархическом начале. К тому же, в глазах многих верующих Православная Церковь скомпрометировала себя своим сотрудничеством с советским правительством. Существуют еще и другие причины успеха сектантства: в православных церквях, верующий растворяется в анонимной массе прихожан, тогда как в сектантских общинах, советские люди находят дружную, тесно-сплоченную семью, которой так нехватает в советской жизни.

Наконец, за последние годы сектантство усилилось в связи с ослаблением террора и роспуском концентрационных лагерей. В показаниях сектантов, порвавших с религией, или же вновь судимых за нелегальные действия, часто встречаются упоминания о их пребывании в исправительных лагерях до амнистии 1953 года.

Все эти факторы способствовали тому, что сектантство в целом стало одним из самых значительных религиозных и социальных явлений в Советской России.

⁶²) Наука и Религия, 3, 1960, стр. 53.

Н. М. ЗЕРНОВ

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ЕПИСКОПОМ КИЕВСКИМ ПРИ ВЛАДИМИРЕ СВЯТОМ?

Замечание на Очерки по Истории Русской Церкви А. В. Карташева

Смерть А. В. Карташева не дала возможность ему закончить его труд по Истории Русской Церкви. Однако, первые два тома, только что изданные ИМКА-Пресс в Париже, являются уже большим событием в изучении Русского Православия и будут на долгое время служить ценнейшим пособием для всех изучающих наше прошлое. Одним из вопросов, над которым много потрудились А. В., было начало Церкви в Киевской Руси. Я не успел поделиться с ним моими соображениями по этому поводу, но я думаю, что и для читателей «Вестника» мои разногласия с А. В. могут быть интересными, т. к. они касаются одного из основных вопросов, происхождения Киевского государства.

А. В. Карташев на страницах I тома с большим мастерством описал ту тщательную работу, проделанную греческой иерархией и ее киевскими сторонниками над документами Владимирской эпохи, которая отразилась в дошедшем до нас тексте «Повести Временных Лет». Попытка изложить крещение Руси в желательном для грекофилов виде имела полный успех. Созданная версия вошла в русское историческое сознание. Только в последнее время историкам удалось отчасти восстановить подлинную картину этого коренного поворота в судьбах русского народа.

В ноябрьском (1949) и в апрельском (1950) номерах *The Slavonic Review*, издающейся в Лондоне, я пытался начертать ход событий, приведший св. Владимира к решению принять крещение и ввести в лоно Церкви свой народ. А. В., очевидно, не читал моих статей, но его изложение тех же событий в главном совпадает с моей реконструкцией и это согласие дает мне новое подтверждение наших общих заключений. Только в одном вопросе у нас имеется серьезное разногласие. А. В. настаивает на том, что нам остается неизвестным первый епископ Киевский. Я считаю, что его личность ясно обрисована «Повестью», хотя он и не назван нигде носящим этот сан.

«Повесть Временных Лет» не упоминает ни имени, ни даже наличия лица в епископском сане, в столице Киевской Империи во время царствования Владимира. Поэтому, начиная уже с XV века, русские летописцы старались восполнить этот досадный пробел и постепенно легендарные личности, подобные митрополиту Ми-

хаилу и Льву вошли в Историю Русской Церкви. А. В. убедительно доказывает, что ни Михаил, ни Лев не могли быть епископами в Киеве при Владимире. Для того, чтобы объяснить непонятное молчание «Повести» о первом Киевском епископе, необходимо, хотя бы кратко упомянуть о той решительной перемене в церковной ориентации, которая произошла в 1037 году при Ярославе Мудром (1019-1054).

После долгих и сложных переговоров, Ярослав признал главенство Патриарха Константинопольского, принял в Киев греческого митрополита Феопемпта и заложил основание собора св. Софии в подражание матери церкви всего Византийского Православия. В 1039 г. тот же Феопемпт освятил заново и Десятинную церковь, построенную Владимиром Святым. Эти события крепко и уже навсегда ввели Русскую Церковь в русло византийской традиции.

Глубокая перемена, происшедшая в недрах Русской Церкви побудила ее руководителей проделать тщательный пересмотр всех записей, относящихся к царствованию Владимира Святого. В особенности все события, связанные с крещением, как самого князя, так и киевлян, были по-новому освещены и в значительной мере искажены, т. к. они противоречили новой церковной политике. Подробное описание переделок текста читатель найдет в Истории Карташева и здесь достаточно указать, что Владимир вел себя, как равный Византийским Императорам и нередко заставлял Империю слушаться своих повелений. Подобное поведение было неприемлемо для всех тех, кто видел в Византии единственное вселенское христианское царство. В начале своего правления, Владимир спас императора Василия II (976-1025) посылкой своих войск на помощь ему в Малую Азию. Взамен этой поддержки он потребовал выдачи замуж за него сестры императора Анны. Когда это условие не было исполнено, Владимир захватил Корсунь и стал угрожать походом на Царьград. Император был принужден выполнить свой договор. Анна была прислана в Крым и Владимир вернулся в свою столицу с духовенством и церковной утварью, взятыми им в Корсунь и приступил к крещению Руси. Рассказ «Повести» о причинах, побудивших Владимира идти походом на Корсунь, мало убедителен и хронологически запутан. «Повесть» также очень скупа на подробности первоначального устройства Русской Церкви и, как уже было выше указано, обходит молчанием наличие епископа в Киеве. Подобное молчание можно объяснить трояким способом: либо в Киеве при Владимире не было епископа, либо его имя было забыто, либо редакторы «Повести» не хотели называть епископом то лицо, которому Владимир вручил бразды церковного правления в своей столице. Первое и второе предполо-

жение едва ли вероятны. Если Владимир мог послать епископа в Новгород (Якима Корсуняна), почему же он не мог достать его для своей столицы? Также невероятно, что имя епископа могло быть так скоро забыто. Вероятнее всего, что оно было одиозно грекофильским кругам и они поэтому упорно не желали давать ему этого титула. Наличие лица, выполнявшего епископское служение не скрыто от читателей «Повести». Несколько раз она упоминает некоего Анастаса, не объявляя его иерархического положения, но приписывая ему значительную, даже руководящую роль в деле организации Киевской Церкви. Так, например, под годом 988-м «Повесть» говорит: «После этого Владимир взял царицу и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента... и взял сосуды церковные и иконы на благословение себя». Под 989-м годом «Повесть» рассказывает: «Затем жил Владимир в христианском законе и задумал создать церковь Пресвятой Богородицы и послал привести мастеров из греческой земли... и когда кончил строить, украсил ее иконами, поручил ее Анастасу Корсуняну, и поставил служить в ней корсунских священников». Под 996 г. в «Повести» сказано: «Помолившись Богу, Владимир сказал: Даю церкви Святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов... и дал он десятую часть Анастасу Корсуняну». Кто же был этот таинственный Анастас? Мог ли он быть простым мирянином? Такое предположение абсурдно. Владимир строил церковь на традиционных основах. Поставить во главе своего престольного собора мирянина было бы полным отступлением от церковного предания. Карташев вместе с позднейшими русскими летописцами возводит Анастаса в сан пресвитера, но это предположение явно противоречит тексту «Повести». Анастас всюду упоминается перед пресвитерами и под своим именем; он — явно стоит над ними и вне их безымянного ряда. Не было никакого основания для редакторов «Повести» не назвать его пресвитером, если бы он был таковым, а если он им был, то еще непонятнее становится отсутствие епископа в Киеве при наличии его в Новгороде. Но предположим, что Анастас был епископом — тогда весь текст становится понятным и единственным вопросом, подлежащим дальнейшему выяснению остается лишь упорный отказ «Повести» называть Анастаса епископом Киевским. Объяснение подобного нежелания дает сама «Повесть».

Первое упоминание об Анастасе раскрывает нам его личность и его отношения с Владимиром. Под 988 г. «Повесть» рассказывает, что во время осады Корсуни «некий муж корсунянин Анастас пустил стрелу в стан Владимира, написав «Перекопай и перейми воду, она идет по трубам из колодцев, которые за Тобой

с Востока». Владимиру удалось захватить Корсунь, благодаря совету, данному ему Анастасом. Согласно некоторым источникам Анастас был по происхождению варягом. Возможно, он был соглядатаем Владимира и очевидно был ему хорошо известен. Не удивительно поэтому, что выбор лица для епископа в Киеве пал на соратника и сотрудника князя, который ценой риска своей жизни помог Владимиру добиться победы. Взяв Корсунь, Владимир смог диктовать свои условия Византии. Василий II был принужден послать свою сестру в лагерь варвара, полу варяга, полу славянина. Очевидно греческая иерархия должна была тоже посвятить в епископа Анастаса, лица для нее мало приемлемого, варяга, мирянина, предателя греческого города, и, наверное, человека без богословского образования. Вместо того, чтобы возглавить Русскую Церковь своим доверенным и ученым монахом — дипломатом, греки отдали в руки Анастаса Киевский Престол. Естественно, что грекофильские редакторы «Повести» упорно не хотели называть его епископом. Но возникает вопрос, почему сам Владимир предпочел ученому греку своего варяга Анастаса. Ответ на этот вопрос приоткрывает для нас замыслы дерзновенного князя, строителя новой империи на берегах Днепра. Владимир был выдающимся правителем, в его планы входило построение державы, которая объединила бы земли и народы от Карпат до Волги. На его владениях жили и христиане и язычники, и среди христиан были, как западные, так и восточные члены Церкви. «Повесть» неоднократно упоминает о том влиянии, которое Владимир имел, и в Венгрии, и в Польше, и в Чехии... (многие поляне приняли свою веру с Запада). По мысли Владимира, его Церковь должна была быть объединяющим началом для всего его многонародного государства и он не только хотел иметь Церковь независимую, как от Византии, так и от Рима, но в его планы также входило включение в ее жизнь и западных и восточных элементов. Так, например, собор св. Богородицы, в Киеве был украшен греческими мастерами, но план церкви был западный, да и само имя «десятиной» указывало на западный, обычай, не практиковавшийся в Византии. Отсюда следует, что греческий епископ или православный бескомпромиссного византийского направления не подходил Владимиру. Ему нужен был созвучный ему иерарх, готовый выполнять его предначертания, а таким лицом, очевидно, и был Анастас. Карташев был большим поклонником Владимира, но он не решался признать возможным, что Владимир построил Церковь в своей империи независимой и равноправной с другими автокефальными Церквями. А. В. считал, что Владимир подчинил ее епископу Охридскому. «Повесть» не дает

никаких оснований для подобного предположения, да и психологично оно мало правдоподобно. Владимир называл себя самодержцем; как и другие славянские владетели, он подражал императорам и хотел поэтому иметь свою независимую Церковь. Охридское царство, отдаленное и маломощное, не могло импортировать могущественному Киевскому Князю, не признававшему над собою иного высшего политического авторитета.

Смерть Владимира, междоусобицы его сыновей разрушили его грандиозные планы. Политика объединения западных и восточных христиан в лоне единой Русской Церкви кончилась неудачей. «Повесть» была составлена сторонниками строгой византийской традиции, и потому они с нескрываемой враждой отнеслись к тому епископу, который согласился проводить в жизни задания Великого Князя. В последний раз Анастас упоминается в 1018 году. Описывая временное занятие Киева Болеславом Польским, союзником Святополка Окаянного, «Повесть» говорит: «Болеслав же бежал из Киева, захватив с собою ценности, бояр Ярослава, его сестер и Анастаса, вкравшегося к нему в доверие, которого он приставил к этим сокровищам».

Так исчезает с русского горизонта первый епископ Киевский. Он бежит на Запад, тот Запад, который постепенно становится враждебным миром для Руси, но который при Владимире входил на равноправных началах в состав Киевской Империи.

«Повесть» под 1019 г. помещает рассказ о бегстве Святополка, тоже на Запад. Там он погибает смертью нераскаянного грешника. Его могила находится в пустынном месте между Польшей и Чехией «и от нее исходит смрад жестокий до сего дня». Светлое утро Русской Истории длилось недолго, оно затуманилось, когда с престола киевской державы сошел ласковый Князь Владимир, Красное Солнышко, дерзновенный христианин, великий государственный человек, пророчески провидевший правильные пути развития для русского народа, которые не удалось осуществить его наследникам.

18-10-1960

Оксфорд.

**«НЕ ДАВАЙТЕ СВЯТЫНИ ПСАМ И НЕ БРОСАЙТЕ ЖЕМЧУГА
ПЕРЕД СВИНЬЯМИ» (Мт. VII, 6).**

Смысл этого стиха ясен: не следует «профанировать» святыню и предлагать, например, святое учение людям не способным и не желающим его принять, людям, которые стали бы над ним смеяться и издеваться и его компрометировать. Златоуст, толкуя это место Евангелия, говорит, что есть люди настолько развращенные и нечестивые и враждебные к Истине, что для них лучше, во избежание их вящего озлобления, оставаться в неведении святыни. «Дидахэ» применяет этот евангельский стих к Евхаристии, а позднейший, дошедший и до нас, литургический возглас: «Оглашенные изыдите!» находится в духе этого стиха. В этом стихе мы можем усмотреть для нас предостережение от несвоевременной, неразумной ревности и безтактного навязывания наших религиозных идей «плотским», «не духовным» (1 Кор. II, 14) людям. Тут правило скромности, осторожности, благоразумности, сдержанности, тактичности, умеренности (стоического «целомудрия») по отношению к людям неверующим и маловерующим.

Но все же, нужно сознаться, что эти жесткие слова о «свиньях» так же ранят сердце, как и ответ Христа хананейке о святыне, которую не подобает давать «псам» (Мт. XV, 26). Ранится сердце от сравнения людей — будь то недостойных и нечувствительных — с животными, да еще с такими грубыми и презренными на востоке как псы и свиньи! (Да и у нас на Руси называть человека «собакой», «собачьим сыном» или «свиньей» почиталось, и почитается большим оскорблением и ругательством.)

В чем же дело? Как мог человеколюбивый, снисходительный и мягкий к грешникам Господь так судить людей? Он ведь отвечал на упреки законников, что не здоровые имеют нужду во враче но больные, что Он приходил в мир не для праведников, но чтобы спасти грешных. Он обедал в доме грешного мытаря Закхея и в другом доме с мытарями и грешниками. Он не осудил блудницу, взятую в прелюбодеянии (Ио. VIII). Он был другом мытарей и грешников. Он Своих учеников избрал преимущественно из людей простых. И израильский народ был избран Богом вовсе не потому, что он был лучшим из народов. И вдруг Христос говорит о каком-то «жемчуге», который нельзя метать перед свиноподобными людьми! О, конечно, это всем ясно, что дело вовсе не в

настоящих свиньях, а сравнение относится именно к людям, так же, как в беседе с хананейкой всем было ясно, что это хананеев, язычников вообще и женщину хананейку в частности, Христос сравнил с «псами» недостойными Его милости и любви и что не для них (язычников) Он приходил, но в первую очередь для «своих», для сынов Израилевых (Мт. XV, 26).

В чем дело?

В ответ на это недоумение нужно сказать, что слова о бисере, которого не следует метать перед свиньями, и слова о хлебе, которым нужно накормить в первую очередь сынов и потом лишь бросить псам, что слова эти имеют в виду, учитывают еврейский национализм и еврейское представление об избранничестве Израиля. Слова эти понятны, принимая во внимание время и место, когда они были сказаны. Христос не сразу открывает универсальную широту христианства. Он педагогически осторожен и тактичен, чтобы не вызвать среди Своих учеников испуга от безграничности Его любви. Безграничное, интернациональное может показаться фантастическим и беспочвенным человеку, привыкшему к нормальному положению вещей, — а нормальное, обычное положение вещей есть положение родовое, классовое, кастовое, национальное... Это положение вещей всем знакомо, оно «свое». Любить самого себя естественно и заповедь о любви к ближнему дается по образцу любви к себе. («Люби ближнего своего как самого себя»). Любовь к ближнему есть расширение любви к себе. Мать, на первых порах воспитания ребенка, говорит ему: «будь осторожен!», «побереги себя!», «кушай сытнее!», «одевайся теплее!» и т. д. и только потом, когда ребенок подрастет и окрепнет, мать начинает говорить ему: «Поделись шоколадкой с другими!», «Не обижай кошку!», «Дай бедному денежку!», «Пожалей товарища!» и т. д. Прежде чем научить отдавать свое, мать учит ребенка любить свое, его беречь, о нем заботиться, его не портить...

В религиозной жизни, в период монотеистического детства человечества, т. е. в Израиле, необходимо было сперва укрепить сознание святости и преимущества **своей веры** пред верованиями других народов: «Бог Израиля» — это особенный, совершенный, лучший из всех богов. «Нет бога подобного Мне!» — говорит Бог устами Исаии (46, 9). Иофор, тесть Моисея говорит, что Господь велик «паче всех богов» (Исх. XVIII, 11), а псалмопевец восклицает: «Несть подобен Тебе в бозех, Господи!» (т. е. нет, между богами подобного Тебе, Господи). «На небе и на земле нет такого бога, который бы мог делать такие дела, как Бог Из-

раильский» (Втор. III, 24), — есть тема проходящая лейтмотивом через весь Ветхий Завет. Бог Израильский есть Бог-Ревнивый и требует, чтобы Его народ, «Народ Святой» (Исх. XIX, 6) не только не поклонялся бы другим богам (Исх. XXIII, 24), но чтобы даже имени других богов не упоминал (Исх. XXIII, 13).

Еврейскому монотеизму предшествовала «монолатрия», т. е. исключительность, предпочтительность и единственность **культы** национально-местному Богу-Иегове. Бог Израильский есть Бог «Святой», т. е. Бог «Избранный», особенный из всех богов. Слово «святой» первоначально и означало «выделенный», «избранный», «предпочтительный»... Народ «Святой», «святой» храм, «святой» тук (т. е. лучший, отборный и лакомый кусок жертвенного мяса), «святой» класс левитов (т. е. выделенный класс людей, имевших право входить в храм и служить святыне (Лев. III, 10), — все эти места, где употребляется термин «Кадош», говорят не о моральном понятии святости, а о понятии выделения. И «священное», храмовое, т. е. связанное с именем «Святого», избранного Бога, не должно было быть «профанировано», осквернено общением с «поганым» (т. е. языческим = *païen*), «лаическим» (*laïcus*), мирским и светским. Святыня не должна была быть «профанирована», осквернена. Слово «профанация» (от латинского *pro* = перед, из, вне и *fanum* = храм) означает вынос святого, священного наружу, во вне, а также и внедрение внешнего, чуждого элемента в избранное и святое.

В примитивных религиях эта боязнь соприкосновения святого и профанного была очень сильна. Понятие «ТАБУ» развито было в чрезвычайной степени. «Табу» — это святое, священное, неприкосновенное. Дотрагиваться до «святого», до «Табу» нельзя ни в коем случае! Для того, чтобы входить в Храм Божий, во Святыню, нужно было быть специально **посвященным** и избранным — «*initiés*». Идея посвящения, избранности очень характерна для примитивных религий. «Посвященные», «*Les initiés*» — это, первоначально, служители алтаря, храма, а потом под «посвященными» стали пониматься люди, которым открыто что-то божественное, таинственное, неведомое другим людям. Все первобытные религии эзотеричны, т. е. имеют в виду какую-то тайну открытую лишь посвященным, избранным — жрецам, волхвам, священникам. Эзотеричны и в наш век языческие религии дикарей Полинезии, южной Африки и южной Америки. Эзотерична современная нам теософия и антропософия.

«Святыня» является чем-то как-бы наэлектризованным, намагниченным, имеющим какую-то энергию и силу вроде как-бы ра-

диоактивность. А все мирское, «лаическое» этой радиоактивности не имеет. «Намоленная» икона это не то же самое, что новая, не «намоленная»! «Намоленная» икона лучше, как-бы святее не намоленной, все равно, как, помню, в детстве, у моей няньки были ножницы, которые булавок не поднимали, а были ножницы намагниченные, которые поднимали булавки!...

В этом духе понятие «святости» и «совершенства» мы наблюдаем у индусских йогов и чародеев, которые путем тренировки, дисциплины дыхания и воли и аскезы достигают поразительных результатов ясновидения, прозорливости, выносливости и всяческого «чудотворения». Но нужно сказать, что это чудотворение и эта, так сказать, «святость» индусская ничего общего не имеют со святостью христианской. Освящение людей вовсе не есть наэлектризование или зарядание их каким то током и силою. Освящение людей с христианской точки зрения, есть развитие в них Божественной любви. **Бог есть Любовь, а не электричество, не магнит и не радио!** Святость Божия есть Его любовь, Его жертвенная любовь, не знающая границ и идущая даже до Голгофы и Креста. И «Пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем!» (Ю. IV, 16).

Если человек путем аскезы и упражнения дыхания и упражнения воли достиг чудотворения, ясновидения, не горит в огне и не замерзает на льду..., но любви не имеет, то он просто чародей и фокусник и «медь звенящая» (1 Кор. XIII, 1...), а не «святой». Святость вовсе не есть понятие физическое, но **духовное**. Святость вовсе не есть физическая сила и мощь чудотворения и преодоления законов природы! Наоборот — святость «не от мира сего» и вовсе не претендует побеждать, но, увы, очень, очень часто (!) в мире бывает побеждена и угнетена. «Царство Мое не от мира сего!» (Ю. XVIII, 36). Святость вовсе не есть сила! Она есть прежде всего любовь, любовь к человеку. («Как можешь ты любить Бога, которого не видишь, если не любишь человека, которого видишь» (1 Ю. IV). Святость человечна. Проявление святости это есть проявление человечности, человеколюбия, жалости, жертвенной любви. Самая большая святыня это любовь Божия и человеческая. Святыня в христианском смысле это чувство, которое имеет личность (Личность Божия или личность человеческая). Строго говоря, «святым» не может быть предмет, но только личность. Новозаветное откровение учит нас тому, что святость есть понятие не материальной, а моральной, духовной категории. Понятие «святой предмет» возвращает нас к примитивному, ветхозаветному пониманию святости — святости, как избранности, выделенности, недоступности («табу»), трансцендентности. Новозаветное, духовное понятие святости находится в связи с

любовью. «Святой», с новозаветной точки зрения есть человек, который любит. И так как предмет любить не может, то он, в сущности говоря, и не может быть назван «святым».

Когда человек «освящается», это означает, что он получает дар любви. Церковные таинства святы, потому что они человечесны и свидетельствуют о любви Божией к человеку. Крест свят, потому что он свидетельствует о жертвенной любви Бога к человеку (а не потому, что в нем заложена какая-то магическая и притом безличная сила!). Нужно нам, христианам решительно отрицать магическую, чудодейственную силу в «священных» предметах, действующую *ex opere operato*. Крест свят не потому, что он так сказать наэлектризован и окроплен святой водой, но потому что, совершая крестное знамение, благословляя знаком креста, мы вместе с этим молимся и любим. Получая благословение крестом человек освящается любовью Божией и своей любовью к Нему. При совершении крестного знамения, наша любовь и вера и молитва **первичнее** знака, который мы делаем рукой.. Без знамения креста молитва и вера за кого-нибудь очень много значит, а знамение креста без молитвы и веры ничего не значит! При поклонении или целовании иконы, наша вера и любовь первичнее нашего жеста, а жест есть лишь вторичное и производное. Святостью святого человека можно заразиться через его жизненный пример, через следование по его святому пути, а не через прикосновение к его мощам или иконе. Чудо морального исцеления от прикосновения, предполагает предварительную веру и покаяние (метанию) того, кто дотронулся и никакой магии или автоматизма в христианстве не допустим.

И вот, поняв святость как любовь, как дар любви, как личный акт человека, мы приходим к выводу, что святость человеческая бесстрашна и дерзновенна, ибо любящий никого не боится. Любящий не боится того, что любя грешного и недостойного человека (человека, который вовсе не отвечает на эту любовь), он может утратить свою любовь и, так сказать, «профанировать» и выпустить ее на ветер, впустую. Святость не выдыхается подобно духам, а наоборот, чудесно увеличивается от выхода из себя, из своего *ego*.

Святые мученики, любя Христа, меньше всего на свете боялись «опоганить» свою святость, отдаваясь в руки язычников и предавая тела свои на растерзание диких зверей. Св. Франциск Асизский, любя человека зараженного проказой, придя к нему, лег на него (не боясь заразиться и профанировать свою святость) и стал своим телом согревать бедного прокаженного! Вот это был настоящий святой!

Святость не замыкается в себя, как и любовь. Наоборот, она хочет выйти из себя в другого, пожертвовать собою для другого. Поэтому, когда говорят, что нельзя дотрагиваться до святого предмета из-за его святости, то в этом сказывается древнее, ветхозаветное и языческое, а не христианское понятие святости. Святость призвана к откровению, к выходу, к просвещению **всех**, а не к обороне, не к сокрытию в драгоценном ларце. Свет Христов просвещает всех. Драгоценный бисер Евангелия не боится осквернения и попражня. Наоборот, чем больше святость (т. е. любовь) гнать и притеснять, тем больше она от этого выигрывает и прославляется!

Святость Божия больше всего прославилась на Голгофе, когда Божественный Праведник, Сама Божественная Святость и безграничная Любовь были распяты греховным миром. Самое позорное орудие казни — Крест, воздвигнутый на Голгофе с распятым на нем Богом, есть величайшая Слава Божия и доказательство того, что святость не боится «профанации», но, наоборот, все собою освящает и преображает!

Отдав дань еврейскому национализму и ветхозаветному сознанию апостолов (что Израиль обладает Истиной-Жемчугом и Хлебом Жизни-Мессиянством), Христос дальше призывает учеников идти в мир, учить и просвещать **всех** людей (Мт. XXVIII, 19). Кроме Двенадцати Он избирает еще Семьдесят учеников — в знак универсальности христианства (так как по древнему верованию мир был населен семьюдесятью городами). Первоначальная и педагогическая Его осторожность, выразившаяся в словах: «К язычникам не ходите... наипаче же идите к погибшим овцам дома Израилева» (X, 5-6), сменяется повелением: «Шедше, научите **вся языки...**» «Зовите всех на брачный пир... идите по дорогам и закоулкам и привлекайте **всех!**» ... Приидите ко Мне **все** тружущиеся и обремененные и Я успокою вас!»

Христос исцеляет дочь той уверовавшей женщины, которой он сперва сказал жесткие слова. (Мт. VII, 1-10). Он не боится «опоганиться» и к удивлению учеников, беседует с самарянкой. Он исцеляет сына Капернаумского язычника-сотника и даже ставит в пример евреям его веру (Лк. VII, 1-10). Он расширяет древнее понятие «ближнего» как объекта любви и рассказывает притчу о милосердном самарянине.

Нет никакого сомнения в универсальности духа Христова. Эту универсальность продолжает развивать ап. Петр (Вспомним видение ему ковра с гадами)! и, главным образом, апостол «языков» Павел, который разрешает в христианском духе вопрос о

«чистом и нечистом», вопрос о «внешнем обрезании» и говорит совсем не прикровенно и ясно (1 Кор. гл. VIII-X) об идоложертвенных яствах. А именно, что эти языческие идоложертвенные яства можно есть. Они не оскверняют человека и его святости, ими нельзя опоганиться. Одного этого учения ап. Павла было бы достаточно, чтобы сделать заключение, что ни «чистое» ни «нечистое», так сказать, не заразно для души. И равно, как идоложертвенная, поганая пища бессильна осквернить христианина, так и «святое» и «чистое» не передает своей святости и чистоты ни химически, ни физически, но лишь **морально**.

Апостол Павел, в своих миссионерских путешествиях хотя начинает проповедь с евреев (как и Христос), но потом не гнушается, так сказать, и «псами» и «свиньями» и идет в самые грешные, развратные города тогдашнего мира — Коринф, Афины, Ефес, Рим, — и не боясь запятнать своих чистых, святых, христианских риз, соприкасается со всеми, всех учит, всех призывает к вере и всех обнадеживает спасением. Он уточняет и развивает универсальное учение Спасителя и говорит, что рано или поздно, весь мир спасется, придет ко Христу и Бог будет всем во всем. Наступит время, когда Все очистится, преобразится, просветится и вернется к своему Создателю. Наступит время, когда среди людей не будет больше «псов» и «свиней», а все станут такими, какими были созданы Богом по Его образу и подобию.

И мы за каждой литургией молимся устами св. Иоанна Златоуста: «Господи, наполнение Церкви Твоя сохрани», т. е. мы молимся, чтобы Господь сохранил и промышлял и посылал свою благодать на созданное Им человечество, дабы **все оно** вошло в Его Церковь и чтобы Церковь наполнилась («исполнилась») людьми, переставшими быть собаками и свиньями, а будучи просвещенными бисером Евангелия и живым Хлебом благодати Божией, вошли бы в Небесное Царство Славы! — Такова религиозная мечта апостола «языков» и наша.

Подай, Господи!

Ф. А. СТЕПУН

ПАМЯТИ ПАСТЕРНАКА

В своей, навеянной путешествием по России, «Книге часов» (*Stundenbuch*) любимьей Пастернаком немецкий поэт Рейнер Мария Рильке обращается к Господу Богу с мольбой, чтобы он каждому даровал свою «собственную смерть».

Такая смерть Пастернаку была дарована. Внезапное заболевание поэта и его быстрое, почти спешное приближение к смерти явно носят печать судьбоносной единственности. В них нам слышится отголосок той горечи, той незаслуженной муки, которые советская власть с такой жестокостью обрушила на него только за то, что он получением Нобелевской премии на весь мир прославил свою страну. Возвращение и низвержение поэта неотделимы от истории его болезни. Он умер не только от рака легких и порока сердца, но и от того, что слишком сорок лет задышался в безвоздушном пространстве советской действительности.

Каким-то призрачным символизмом исполнены и последние годы его жизни. Пока Хрущев не без надежды на успех притворялся искренним миролюбом, опальный и поруганный поэт как-никак принимал знатных европейцев, рукоплескал дирижеру американского оркестра и режиссеру Грюндгенсу, привезшему в Москву свою постановку гетевского «Фауста». Во всех иллюстрированных журналах можно было видеть фотографию Пастернака, принимающего в подарок первое издание «Фауста» из рук известной актрисы и не без светскости целующего ей руку.

Но вот Хрущев взорвал в Париже тот мост между Востоком и Западом, который сам строил. Этот взрыв лишил Пастернака, горячего патриота, но и доброго европейца, блестящего переводчика Гете и Шекспира и выученика Марбургского университета, его символического значения, и тем как бы вытолкнул его из жизни в смерть. На первый взгляд — простая случайность. Но разве установима четкая граница между пустой случайностью и полновесным решением судьбы, разве понятие случая не является чаще, чем мы думаем, атеистическим псевдонимом чуда?

Пастернак умер спустя пятьдесят лет после смерти Толстого. Известие о смерти поэта я получил во время работы над публичной лекцией о «Великом писателе земли Русской». Читая несколько дней спустя в немецких, русских и французских газетах и журналах о похоронах Пастернака, я невольно вспоминал похороны Толстого. Толстого хоронили без священника, без креста, без хора, как он сам того хотел. Но из десятитысячной толпы, шедшей за гробом, по свидетельству очевидцев, время от времени раздавалось пение «Вечной памяти» и «Со святыми упокой». Этим пением церковные люди свидетельствовали, что, отлученный от церк-

ви за свое непризнание Христа за Сына Божия, Толстой все же был христианином и праведным защитником русского народа.

Похороны Пастернака были совсем иными, но все же чем-то они перекликались с похоронами Толстого. Как Толстой в глазах царской, так и Пастернак в глазах советской власти был врагом народа и его "правомерного" правительства. Как монархия, так и советская диктатура боялась как бы похороны не осложнились какими-нибудь демонстрациями. Из-за этой боязни открыто христианские похороны были запрещены, допущено было только отпевание на дому. Был заготовлен и автобус для быстрого, как бы украдкой, перевоза тела с дачи к тем трем растрепанным соснам, под которыми была вырыта могила. Но семья, близкие и почитатели поэта не допустили этого. Гроб несли на руках. Провожало его от двух до трех тысяч человек. Над могилой говорились свободолобивые, горячие речи, читались стихи и лились слезы. Всем этим народ возвращал отвергнутого "народной" властью поэта в подлинную глубину народной души, чувствуя в нем, как в свое время чувствовали и в Толстом, неподкупную совесть России.

Во время писания своей статьи о Пастернаке ("Новый Журнал"), на меня не раз находило сомнение, правильно ли я делаю, отрывая Пастернака от Маяковского, от поэтов "Центрофуги", во главе которых воевал упоминаемый Пастернаком Сергей Бобров, и от всех остальных поэтов-модернистов, и причисляя его к символистам второй волны. Не раз я себя спрашивал, не преувеличиваю ли я религиозную глубину стихотворений "Доктора Живаго" и не снижаю ли я ради этой глубины законное требование новой формы столь совершенной в таких ранних сборниках, как "Сестра моя жизнь". В предпочтении хотя-бы и неумело оформленной, но все же духовной лирике якобы всего только формально блестящему версификаторству, меня, к слову сказать, не раз упрекали современные поэты. Среди русских парижан со мною соглашался только Николай Оцуп, приславший мне свою последнюю книгу, с надписью, которую он мог-бы вписать и в экземпляр, предназначенный для Пастернака: ... "в благодарность за стойкую защиту поэтической, то-есть и религиозной глубины, от все-нивелирующей антипоэзии". Но вот 6 мая я получил письмо от Бориса Леонидовича. Пастернак пишет: "Страшно горд Вашим при-

знанием и такой одухотворенной, захватывающей поддержкой". Написано письмо после прочтения моей немецкой статьи, дошедшей до него спустя год после опубликования. Гораздо более обстоятельная русская статья так и не попала в Переделкино, хотя, как мне говорили, была сделана попытка переслать ее Пастернаку. То, что приведенные мною слова не означают всего только благодарности судьбе за встречу со мною, как представителем того мира, в котором зародилось и расцвело творчество поэта и к которому его, конечно, тянуло, несмотря на его отрицание романтики-сантиментальных воспоминаний, доказывается тем, что Пастернак высказывает в письме боязнь, что его последние циклы (стихи из романа и "Когда разгуляется"), блестяще переведенные на немецкий язык, также повредят издательству Фишера, как "Живаго" пошел ему на пользу. Эта трогательная забота об издательстве, которое нажило на "Живаго" добрый миллион, была, конечно, не основательна: Фишер и на переводах последних циклов нажил, конечно, большие деньги. Но все же опасения Пастернака имели свое основание. Его последние стихи действительно "оттолкнули" и "расхолодили" современного западного читателя своею, как пишет Пастернак, "старомодностью и обыкновенностью". Об этом свидетельствуют многие рецензии в западной прессе. Да и многие русские критики отнюдь не были согласны с положительной оценкой стихов последнего периода. Многим они казались прискорбным срывом с тех высот, что Пастернаком были достигнуты в ранних сборниках.

О своем творческом пути Пастернак много думал и не раз высказывался. Его биографический очерк, писавшийся в 1956 году, начинается с откровенного признания, что "Охранная грамота" испорчена обязательным в свое время модернизмом. Свой, начатый еще в 1918 году, роман, частью которого является "Детство Люверс", Пастернак, снова принявшись за него после длительного перерыва, сжег, почувствовав, что он ему стал чужд и далек. От своих ранних стихов Пастернак, правда, не отказывался. Надо думать, что он и в эпоху "Живаго" продолжал их ценить, но любить он их перестал, в чем сам откровенно признается и о чем красноречивее его собственных слов говорит перемена его творческого стиля. Нельзя сомневаться в том, что эта перемена была сложным кризисом его творчества. Ведь "опростился" такой маг и волшебник модернизма, такой мастер вывихнутого синтаксиса, долгоруких ассоциаций, глубокомысленных

невнятности и сферической музыкальности, каким был молодой Пастернак. Кто же усомнится в том, что его "опрошение" было достигнуто большими жертвами! Это требует осторожного и вдумчивого отношения к его последним определениям сущности и цели искусства. На основании многих высказываний Пастернака эту сущность можно, почти не удаляясь от собственных формулировок поэта, свести к следующим трем положениям.

Неспособность к познанию истины и к живому общению с ней не может быть заменена способностью виртуозного высказывания лжи.

Новое в искусстве не рождается, вопреки общепринятому мнению, на путях радикального изменения старого, но исключительно в силу способности все более совершенного отображения прежних моделей.

Искусство отнюдь не самопроизвольно бьющий фонтан, как часто думают, а скорее губка, всасывающая в себя и перерабатывающая в себе жизненные опыты. Самое важное в искусстве, — пишет в другом месте Пастернак, — совершающееся в тишине зачатие. "Тишина, ты лучшее из всего, что слышало". Особенно остра и глубока среди этих определений искусства мысль, что самые значительные произведения являются описаниями их зачатий в душах художников.

Причин, приведших Пастернака к его последним взглядам на искусство, конечно, много, и они очень сложны. Говорить о личных психологических причинах еще рано. Это задача будущих биографов. Коснусь потому только более общих причин, которые, как мне кажется, сыграли большую роль в художественном пути Пастернака. Немалую роль сыграло то, что большому русскому поэту невозможно чувствовать себя всего только мастером своего ремесла. Цветаева — любимый поэт Пастернака, написала целую книгу стихов под заглавием "Ремесло", но ремесленницей, в формальном смысле этого слова, она, конечно, не была. Как она, так и Пастернак чувствовали себя служителями истины и верили, что она не изобретается, а обретается, что в основе творчества лежит зачатие.

Второе убеждение Пастернака, что искусство, верное своей природе, живет не погонею за новым словом, что характерно лишь для науки, а постоянным обновлением извечно значимых слов, зародилось в нем в связи с созерцанием того разгрома, который марксизм-ленинизм, принимаемый в Советской России за последнее слово науки, учинил во всех об-

ластях искусства. Но Пастернак видел и глубже. Ему было ясно, что и на свободолобивом Западе в более тонких и сложных формах, без насилия, но не без соблазна, происходит такое же вытеснение вечного слова все новыми и все более лукавыми словесами стареющего в своей виртуозности модернизма, что и там над искусством господствует по существу чуждая ему идея прогресса.

К этим двум причинам, определившим творческий путь Пастернака, надо прибавить третью, вероятно, самую главную. Среди многих замечательных мыслей об искусстве у Пастернака встречается и следующая: "Искусство всегда не переставая занято двумя вещами: оно неизменно размышляет о смерти и неустанно творит новую жизнь". Живя в Советской России, Пастернак ничем кроме как своим творчеством не мог заглушить в себе голоса смерти. Но для достижения этой цели он должен был поднять образ искусства на ту высоту, что открылась ему "в откровении Иоанна и в творчестве всех тех, которые дописывали Апокалипсис".

И. А. СТРУВЕ

ГОЛОС ПРОВИДЧЕСКИЙ

Памяти Б. Л. Пастернака

В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты
Все поют блаженных жен родные очи,
Все цветут бессмертные цветы.

О. Мандельштам

Жаркий июньский день. Леса и луга Подмосковья. Открытый гроб медленно плывет над толпой провожающих.

.....
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.
Вы шли толпою, врозь и парами,
.....

Шествие длинной лентой растянулось по извилистой проселочной дороге:

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник
В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

Скромное, тихое сельское кладбище. Гроб поставили рядом с вырытой могилой. Старая служанка бережно надевает на голову усопшего венчик, венец победы, залог жизни вечной. Начинается прощанье. Ничего траурного, ничего похоронного. Во всем — в людях, в природе, в воздухе — глубокая вера в силу торжества Воскресения: “Надгробное рыдание творяще песнь. Аллилуия”.

В спокойном лице что-то пророческое — недаром в нем текла кровь ветхозаветных пророков — что-то, что заставляет прислушаться:

Был всеми ошутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
**То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом.**

Пастернак, воистину, голос провидческий, голос пророческий, прозвучавший из “черного бархата советской ночи” до всех концов земли. И пророчество это в первую очередь, пророчество о Христе, о вечной Его правде, о том, что Он, и только Он, есть путь, истина и жизнь:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Тайна смерти занимает у Пастернака центральное место в творчестве последних лет. Она раскрывается на Голгофе в крестной смерти и в Воскресении Христа:

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслушав слух весенний,
Что только, только распогодь,
Смерть можно будет побороть
Усильем воскресенья.

Тема эта выражена сильнее всего в последних строфах второй “Магдалины”.

Мария-Магдалина для поэта самый яркий пример человеческого богоискательства и Божьей всеблагости:

Брошусь на землю у ног распятия,
Обомру и закушу уста.
Слишком многим руки для объятья
Ты раскинешь по концам креста.

Для кого на свете столько шири,
Столько муки и такая мощь?
Есть-ли столько душ и жизней в мире?
Столько поселений, рек и роц?

Но пройдут такие трое суток
И столкнут в такую пустоту,
Что за этот страшный промежуток
Я до воскресенья доросту.

Итак, 40 лет безбожной и богоборческой власти завершаются этим замечательным, и единственным в русской поэзии, циклом евангельских стихов. В них, рядом с редчайшей (для поэтов) глубиной богословской мысли, с большим мастерством передана вся непосредственная простота евангельского повествования.

Пророчество о Христе это и пророчество о человеке, как о драгоценнейшем творении Божьем:

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающим на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным Твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук Твоих жар.
Ты держишь меня как изделие,
И прячешь, как перстень в футляр.

Полнота человеческой личности осуществляется в уподоблении Богу, в обожении: “Отдельная человеческая жизнь стала Божьею повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной. Как говорится в одном песнопении на Благовещение, Адам хотел стать Богом и ошибся, не стал им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама

Богом (Человек бывает Бог, да Бога Адама соделает)". В этих словах из романа "Доктора Живаго" заключена вся сущность православного учения о человеке. Но богоискательство без любви к ближнему лишь медь звенящая. Человек обретаёт Бога только в полной отдаче себя другим (Другой — друг: один и тот же корень):

Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье.

Рядом с этим "раствореньем" чувство глубочайшей, сборной связи со всей вселенной: "Никогда, никогда, даже в минуты самого царственного, беспмятного счастья не покидало самое высокое и захватывающее: наслаждение общей лепкою мира, чувство отнесенности их самих ко всей картине, ощущение принадлежности к красоте всего зрелища, ко всей вселенной".

Вера в вечную ценность человеческой личности привела Пастернака к пересмотру своих отношений к Революции и к тому строю, который она породила.

Революцию Пастернак встретил с мистическим восторгом:

В неземной новизне этих суток
Революция вся ты как есть.

Он верил в ее идеал свободы, братства, равенства, справедливости, верил в ее очистительную силу, верил жертвенно, самозабвенно

Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним карать и каяться,
Другим — **кончать Голгофой.**

Как вы, я — часть великого
Перемещенья сроков,
И я приму ваш приговор
Без гнева и упрека.

Наверно, вы не дрогнете,
Сметая человека.
Что ж, мученики догмата,
Вы тоже — жертва века.

Но годы шли и от возвышенного идеала остались лишь одни воспоминания. Россия стала великой Голгофой, на которой, во имя марксистского догмата приносился в жертву весь русский народ. Ложь, фарисейство, насилие, мучения — вот, что составляло жуткую, повседневную советскую действительность. Перед этой бездной страданий у Пастернака откровение: "... насильственностью ничего не возьмешь, к добру надо привлекать добром". Цель никогда не оправдывает средства и ни один идеал, будь он самый возвышенный, не может оправдать насильственные страдания, причиняемые во имя его. Это вечная христианская правда, вечная тема русской (не советской) литературы. Возвращая рукопись "Доктора Живаго", редакционная коллегия "Нового Мира" резко подчеркнула отход Пастернака от Революции: "Дух Вашего романа — дух неприятия социалистической Революции. Пафос Вашего романа — пафос утверждения, что Октябрьская Революция... не принесла народу ничего, кроме страданий".

Пастернак становится великим печальником земли русской в страшные годы красного ига:

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.

И плач этот, не только над физически замученными, но и над духовно и душевно сломленными, над теми, кто рукоплескал тому, что ненавидел, радовался тому, что приносило несчастье, над теми, кто стал бескровной жертвой криводушия, возведенного в систему:

.....
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти.

Величайшее значение Пастернака в том, что, несмотря на все давления, он никогда не пошел на малейший компромисс с советской властью, предпочитая в годы, "когда не стало поэзии... когда, скажем проще, прекратилась литература" творческое молчание литературному пресмыкательству.

Найти себя, быть и остаться самим собой — основная и далеко не легкая задача в сетях советского фарисейства:

И должен ни единой долькой
Не отступить от лица.
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

И Пастернак остался “живым”.

В начале 20-х годов Марина Цветаева писала со свойственной ей страстностью: “Пастернак большой поэт. Он сейчас больше всех: большинство из сущих были, некоторые есть, он один будет. Ибо, по-настоящему, его еще нет: лепет, щебет, дребезг, — весь в Завтра!”

Пророчество сбылось: завтра стало нынешним днем и перешагнуло в вечность. Это глубоко чувствовали все те, кто, в этот жаркий июньский день, пришли в Переделкино совершить мысленно или реально обряд “последнего целования”. Значение этого обряда не только прощальное, целование дается в знак того, что усопший, победно переплыв житейское море, достиг тихого пристанища жизни вечной (“Лишь в смерти ставши тем, чем был он изначала”).

Я знаю, что столб, у которого
Я стану, будет гранью
Двух разных эпох истории,
И радуюсь избранью.

Эти слова лейтенанта Шмидта перед расстрелом предзнаменуют в каком-то смысле судьбу самого Пастернака. Пастернак первый в СССР открыто пошел по пути, пройденным в начале века русской интеллигенцией: от революции к ее отрицанию, от марксизма к идеализму, от безбожия ко Христу. И хочется верить, что не так далеко время, когда Россия, сбросив с себя коммунистические цепи, услышит провидческий голос Пастернака, и пойдет вслед за ним по пути Православия.

АВТОБИОГРАФИЯ АНТОНА ВЛАДИМИРОВИЧА КАРТАШЕВА (1875—1960)

Родился 11(7) 1875 г. в Кыштыме, Екатеринбургского уезда, Пермской губернии. Это уральский горный завод, население которого со времен Петра Великого составилось из переселенцев из центральной России. Семьи со стороны отца и матери были из крепостных крестьян туляков, получивших на Урале звание «горнозаводско рабочих». Работая юридически в крепостном состоянии на разнообразных ролях от чернорабочего до управителя завода, население имело от своих владельцев еще и родовые земельные наделы, (так называемые «посессионные») с пахотой, выгоном и лесом. Уровень жизни был примитивный, но существование безбедное.

Прадед — Карташев был управителем завода, дед — помощником казначея, и отец (род. в 1845 г.), прошедший еще Николаевскую двухклассную министерскую школу и вышедший только 16-ти лет (1861 г.) из состояния раба, стал, с введением Земства, волостным писарем, затем земским гласным, и, наконец, с 1879 г. членом Земской Управы. Семья переселилась в Екатеринбург. Начался городской быт. Пафосом семьи было «выйти в люди» путем образования. Позади была тьма крепостной зависимости, в настоящем — радость свободы, и в будущем — светлые надежды на лучшую жизнь в свете «просвещения». Александра II-го боготворили, как «нашего» царя — Освободителя. Александра I-го не иначе называли, как Благословенным за то, что «нас» хотел освободить. А. В. рано «самоопределился» на Церковь и уже восьми с половиной лет посвящен был в стихарь старым епископом Екатеринбургским Нафанаилом (Леандровым), из вдовых протоиереев, очень любившим детей. Он и указал семье на Духовное училище. По окончании его в 1888-ом году А. В. поехал в Пермскую Духовную Семинарию. По окончании семинарии в 1894-м году, был послан на казенный счет в СПб Духовную Академию. Кончив Академию в 1899-м году, был оставлен при кафедре Истории Русской Церкви. Лишь после этого, по ходатайству Академии, особым постановлением Кыштымское Волостное Правление вычеркнуло А. В. из списков «податного сословия» и перестало требовать уплаты крестьянской подати.

Только год пробыл А. В. Карташев на положении профессорского стипендиата. Смерть проф. П. Ф. Николаевского побудила Совет Академии возложить на молодого магистранта все

бремя кафедры. И он нес его на положении доцента до 1905-го года, когда революционные бури вышибли его из тихой колеи. Общественный темперамент вовлек А. В. в публицистику. Неспкойная русская общественность узнала его и втянула в свой водоворот. Псевдонимные статьи его в книжках «Нового Пути» стали известны Св. Синоду. Ректор Академии, епископ Сергей, (впоследствии подсоветский патриарх) от лица Синода дружески предложил: прекратить публицистику, или уйти... А. В. с молодой храбростью избрал бурное «или». Поступил на службу в Императорскую Публичную Библиотеку и продолжал, уже не скрывая имени, писать по религиозным и церковным вопросам в газетах «Страна», «Слово», «Речь», «Русское Слово».

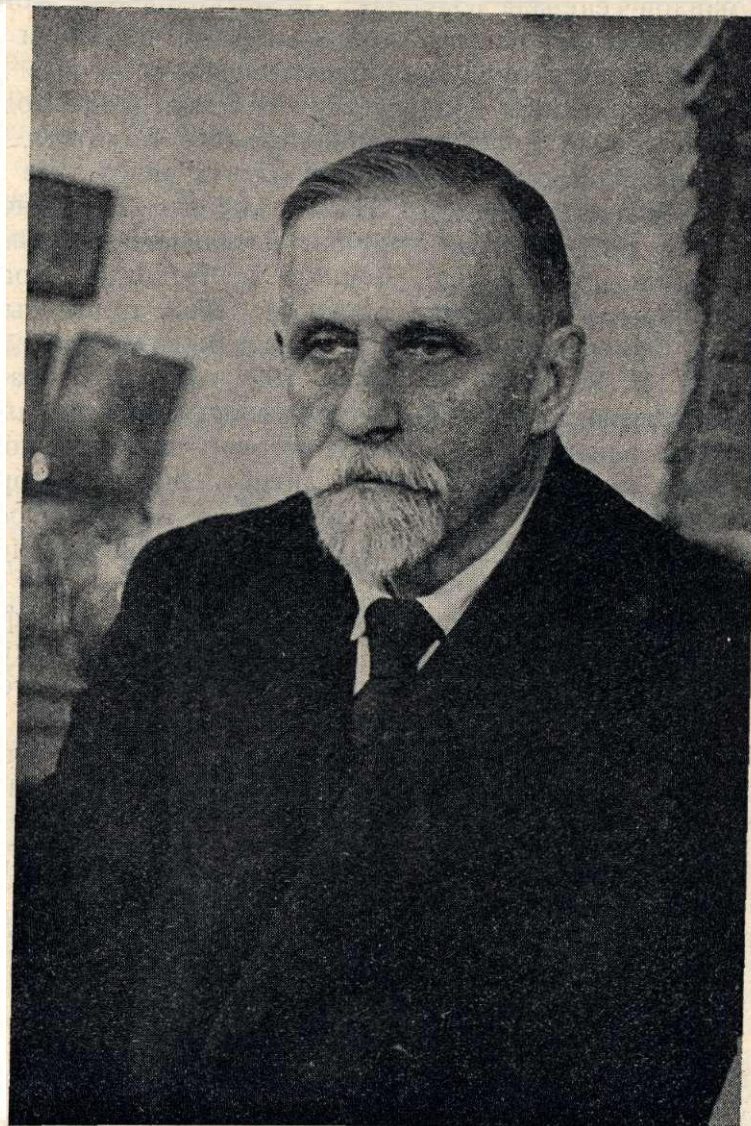
С 1906-го года А. В. Карташев приглашен был Советом Высших Женских Курсов в СПб (Бестужевских) занять кафедру Истории Религий и Церкви и занимал ее до 1919-го года, до бегства из России.

Но своеобразную популярность А. В. Карташеву создало его активное участие в Религиозно-философских Собраниях (1901-1904 гг.), затем переформировавшихся в 1906 г. в «Религиозно-Философское Общество», где с 1909-го года ему пришлось быть Председателем.

Когда strяслась над Россией революция, и Думское Правительство послало в Св. Синод своего Думского обер-прокурора, В. Н. Львова, последнему десятки депутатских голосов подсказали отыскать неведомого ему Председателя Религиозно-Философского Общества, «либерального богослова», Карташева и взять себе в товарищи обер-прокурора. Так он и сделал. Но сам Львов, после кризиса Временного Правительства в июле 1917-го года, должен был покинуть ряды министров, как «националист», т. е. член партии правее «К. Д.» Карташев, как беспартийный и только что завербованный в партию «К. Д.», поставлен был на место Львова. Он преобразовал синодальную обер-прокуратуру в Министерство Вероисповеданий и уже в звании Министра Вероисповеданий официально открывал в Москве на другой день Успения 16-го августа 1917-го года, I Всероссийский Церковный Собор. По своему положению, А. В. Карташев введен был Собором и в его состав в качестве члена-мирянина.

Наконец мрачный день и ночь 25-го октября 1917-го года. Увод арестованных министров из Зимнего Дворца с опасностью жизни в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Оттуда — 7-го января 1918-го года в Кресты. 26-го января 1918-го года выпуск из тюрьмы в поднадзорное состояние. Приезд 3-го июля 1918-го года в Москву и работа в Соборе и в Высшем Церковном

Совете, в члены которого А. В. К. был избран еще сидя в Петропавловской крепости.

Профессор Антон Владимирович Карташев

Тайные и, конечно, смертельно опасные встречи и переговоры в Москве и в Петербурге по организации, так называемых «Центров», более правого и более левого. Приближавшаяся опас-

ность нового ареста. Благополучное бегство в ночь нового 1919-го года через финляндскую границу. В Финляндии немедленное вхождение в Русский Комитет при строящемся фронте под командой генерала Юденича. По прекращении этой акции на территории Финляндии и Эстонии, переезд в 1920-м году в Париж. Здесь, в виду крушения белого фронта на юге России, новая попытка собирания политических сил эмиграции под прежним знаменем в виде Русского Национального Комитета.

Русский Национальный Комитет явился в результате довольно широкого «Съезда Русского Национального Объединения» в Париже, в мае 1921-го года, в момент печального сидения Врангелевской армии в Галлиполи, Лемносе и Чаталдже. Нравственная и политическая поддержка остаткам белой армии была злободневной и ближайшей задачей и Съезда и созданного им Рус. Нац. К-та. А. В. К., тогда же летом 1921-го года отправился к генералу Врангелю в Константинополь и к Армии в Галлиполи. Через это был заключен моральный договор национальной солидарности двух автономных русских антибольшевицких организаций — политической (Р. Н. К.) и военной — Армии, переформированной вскоре в Р.О.В.С. Президиум Р.Н.К. приглашался генералом Врангелем на совещание в Белград и в 1924-м году А. В. К. состоял председателем и идеологом Р. Н. К. вплоть до официального закрытия его в 1940-м году уже под немецкой оккупацией. Организующей энергией и движущим мотором деятельности Р. Н. К. являлся его вице-председатель, достопамятный патриот, М. М. Федоров. В 1920-1930 гг. Карташев и Федоров сотрудничают в боевом антибольшевицком еженедельнике «Борьба за Россию», руководимом С. П. Мельгуновым.

Новую эпоху в биографии А. В. К-ва создает факт возникновения в 1925 г. в Париже Высшей Богословской Школы. Он возвращает А. В. К. в его академическую колею. При недостатке специалистов, А. В. К-ву пришлось в течение четверти века (1925-1950) вести преподавание по двум кафедрам: Истории Церкви и Ветхого Завета с еврейским языком.

Печататься А. В. начал еще на студенческой скамье, в России. Полный список его богословских и церковно-практических работ заграничного эмигрантского периода (с 1921 г.) недавно, в 1954 г., издан по-английски наряду с другими профессорами Св. Сергиевской Дух. Академии. Последнюю четверть века статьи А. В. обычно печатались в повременном органе Св. Серг. Дух. Академии «Православная Мысль» и отдельно: «На путях к Вселенскому Собору» (1932 г.); «Ветхозаветная Библейская Критика» (1947 г.). Последнюю работу сам автор считает своей глав-

ной заслугой перед православной богословской наукой, не только русской, но и всех других братских православных церквей. Она прерывает боязливый заговор молчания, преодоленный к настоящему времени, даже консервативной римо-католической наукой. Покойный декан Св. Серг. Академии о. Сергей Булгаков внес предложение, поддержанное и почетным Ректором Академии митрополитом Евлогием, чтобы за эту книгу А. В. К. был увенчан званием Доктора Церковных Наук «гонорис кауза». Ждут своего опубликования объемистые и школьно нужные труды старшего профессора: Курсы лекций — по Истории Вселенских Соборов и по Истории Русской Церкви*).

Прот. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ПАМЯТИ ПРОФ. А. В. КАРТАШЕВА

С глубокой печалью пишу я эти строки, посвященные памяти дорогого и незабвенного Антона Владимировича. Мы все знали его давнюю, тяжкую болезнь, видели, как угасали его силы, но всё надеялись, что жизнь его еще продолжится. Но вот жизнь А. В. оборвалась — и весть об этом тяжело поразила всех... Какая потеря для русской культуры, для русского богословия, для русской Церкви!

Творческие силы, присущие А. В., были поистине необычайны. Еще в молодые годы выделялся он своими вдохновенными выступлениями в Религиозно-Философском Обществе в Петербурге, — его знали и ценили и в Петербурге и за пределами столицы. После событий 1 марта 1917 г., А. В.-ча пригласил В. Н. Львов быть помощником Обер Прокурора Св. Синода, — и тут А. В. всецело отдался подготовке Всероссийского Поместного Собора. В июле 1917 г. он сменил В. Н. Львова, став Министром Исповеданий при Временном Правительстве, а в августе 1917 г. А. В. от имени Временного Правительства открывал Всероссийский Поместный Собор. После переворота, учиненного большевиками, А. В. был заключен в Петропавловскую крепость, а когда был освобожден, то покинул Россию и отдался чисто политической деятельности. Но занятия политикой не были в центре духовной жизни А. В. — и когда наметилась возможность открытия в Париже Православного Богословского Института, А. В. отдался всецело этому делу. Все годы

*) Автобиография была написана до опубликования двухтомной Истории Русской Церкви, издательством YMCA-PRESS.

— до последних дней жизни, А. В. активно участвовал в жизни Бог. Института, как профессор и как член Правления.

По своей специальности А. В. был историком Церкви (общей и русской истории). А. В. пристально следил за всем, что выходило в свет по вопросам истории Церкви, — и помимо недавно появившейся его двухтомной «Истории русской Церкви», он написал много различных статей, этюдов, целых книг, касающихся Истории Церкви. Особенно надо отметить его замечательную обобщающую статью о расколе (помещенную в сборнике в честь П. Б. Струве), — в этой статье помимо глубокой эрудиции, мы находим целый ряд замечательных характеристик раскола и его разных течений. Я не преувеличу, если скажу, что на этой статье легла печать гениальности, что впрочем чувствуется и в других многих статьях и этюдах, им написанных. Карташев, вообще, писал превосходно; кто-то удачно сказал о нем, что у него «золотое перо». Обширные знания, тонкость анализов, а главное, умение чувствовать самую «суть» изучаемых исторических явлений, характерны для А. В., а за всем этим стояла его глубокая и живая религиозность, пульс которой бился у А. В. ровно и без всяких колебаний.

Сердце А. В. было полно этим глубоким чувством. России, — в нем был настоящий национальный эрос, который подымал высказывания А. В. по национальным темам до высокого вдохновения.

Память об А. В. не затеряется. Он был из тех гигантов духа, от которых питаются многие поколения. Как ни тяжела смерть А. В., но он жил недаром, он не зарыл данных ему Богом талантов.

Да упокоит Господь его душу!

Л. М. НИКОЛЬСКИЙ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

«Плачу и рыдаю», стоя у могилы любимого отца и учителя. Преклоняю колена пред его прахом.

Трудно примириться с чувством, что среди нас нет уже больше Антона Владимировича. В последний раз я виделся с ним 21 июня с. г. в Ментоне, и впервые заметил, что А. В. медленно угасает. Как всегда, А. В. с радостью отвечал на богословские

вопросы, живо освещая жизнь церкви, возлагая на пастырей большую ответственность за миссию Христа.

Без преувеличения, можно сказать, что счастлив тот, кто беседовал с А. В., слушал его и внимал его голосу. А голос его всегда был спокоен и убедителен. Все актуальные проблемы нашей жизни А. В. всегда освещал в свете глубин божественной истины. Без смущения и боязни к нему всегда можно было обратиться по любому вопросу: личному или академическому. В его доме мы были как родные его духовные чада. Душа его всегда была светла и открыта перед нами; она пленяла нас своей откровенностью и чистотой. После его слов все становилось на свое место, на душе было легко и свободно. Помню, как, однажды, мы попросили его яснее осветить нам первые главы книги Бытия. После 2-х часовой лекции мы почувствовали, что человек действительно является венцом творения, призванным в творчестве хвалить и воспевать песнь своему Творцу. Каждый богословский вопрос для А. В. был темой неисчерпаемой глубины. Сосредоточившись на предложенной теме, А. В. не чувствовал времени. Закрывши глаза, он как бы из глубины веков видел потоки света и теней исторических событий, и говорил о них как живой их участник. Слушатели его никогда не утомлялись, и внимание их всегда было на страже живого голоса, будящего сознание. От А. В. не ускользало ни одно событие, происходящее в мире. На ошетинившееся зло он смотрел с уверенным оптимизмом, предполагая, что силы сопротивления злу еще достаточно велики, и что они должны в достаточной мере сами прозреть и отстаивать свое право на истину и жизнь.

Благодаря А. В. студенческая жизнь в Православном Богословском Институте освещалась светом церковной истины. Церковь и аудитория постепенно становились единым целым. А. В. был дорог и близок для всех к нему приходящих, но в особенности для тех, кто был отравлен советской идеологией. Он глубоко понимал души этих студентов и всегда спешил им на помощь. Совместная духовная жизнь на святой горке Сергиевского Подворья соединяла нас с А. В. В последний раз он сказал мне: «вот только бы теперь родиться, имея тот багаж, который уносит с собой в вечность человек». Он уже беспокоился о незаконченности своей миссии на земле, хотя все, что создано им, будет свято храниться и исполняться его учениками.

Наш заветный долг — помнить, что А. В. всегда с нами, т. к. он в своей жизни стоял на грани временного и вечного бытия и к этому чувству приобщил своих учеников.

ПАМЯТИ А. В. КАРТАШЕВА

“И Я сделаю вас ловцами человеков”.

Мф. 4. 19.

*“Се тебе талант вверяет Владыка, душе моя,
страхом приими дар”.*

Из стихир Великого Вторника.

Писать о только что скончавшемся Антоне Владимировиче Карташеве, которого оплакивают и осиротевшая Свято-Сергиевская Духовная Академия в Париже и вся православная богословская наука, о котором весь православный мир возносит сейчас заупокойные молитвы, является задачей весьма нелегкой по необъятности своего предмета. Покойный Антон Владимирович был более, чем крупным или выдающимся человеком. Как и в ученом наследии его, которое, несомненно, составит целую эпоху в истории русского богословия, так и в самой личности его все отмечено печатью яркости, талантливости, грандиозности и стихийного размаха. Он сам, его творчество, его значение в истории русской богословской школы будут — это можно с уверенностью утверждать уже теперь — предметом многих и многих ученых трудов. Но, как этот столь обширный материал возможно охватить в скромной и по необходимости сжатой статье?!

I.

Всех, кому дано было знать Антона Владимировича или даже, хотя бы, просто встретиться с ним, поражало количество, яркость и разносторонность Богом данных ему природных дарований. Он был увлекающим оратором, настоящим Бояном русского слова, блестящим публицистом, человеком зоркого, пытливого и пронизательного ума; он с легкостью запоминал факты, встречи, лица, приобретал знания, взвешивал идеи. «Всеведущий Антон Владимирович» — так часто отзывались о нем его ученики и его коллеги. И, конечно, по своей одаренности и по своему блеску, покойный был одним из наиболее выдающихся представителей того совершенно исключительного по своей талантливости поколения русских профессоров, мыслителей, ученых и прочих культурных деятелей, которое сложилось у нас на родине перед великой войной и которое озаменовано именами о. С. Булгакова, П. Б. Струве, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, о. П. Флорен-

ского и многих других, в большинстве случаев теперь уже давно ушедших... Дано ему было прожить жизнь долгую и необыкновенно богатую и насыщенную событиями, встречами, соприкосновениями с целыми историческими эпохами. Родился он в 1875-м году в Екатеринбурге и, по своему рождению, принадлежал к сословию крестьян. Он прошел все ступени духовной школы: духовное училище и семинарию в своем родном городе и Академию в С.-Петербурге. В последней он и вышел на профессорский путь по кафедре церковной истории. Ему также выпало быть председателем Философского Общества в Петербурге (в то время, как С. Н. Булгаков, будущий отец Сергей, занимал такой же пост в Москве) и заведовать богословским отделом Публичной Библиотеки. В годы начавшейся революции, он оказался товарищем Обер-Прокурора и, затем, последним Обер-Прокурором Святейшего Синода, и членом Всероссийского Поместного Собора. В эмиграции он вновь связал себя с высшей духовной школой: явившись одним из основателей Свято-Сергиевской Духовной Академии на Сергиевском Подворье в Париже, он до самой кончины оставался ее профессором и на этом поприще, как историк церкви и богослов, стяжал себе общеправославные и всеэкumenические славу и авторитет. В течение своей долгой жизни ему приходилось встречаться со всеми выдающимися церковными и культурными деятелями своего времени: иерархами, пастырями, подвижниками, богословами, а также с представителями и других русских культурных кругов и, вообще, со всеми кругами и слоями русского до-революционного общества. Благодаря этим встречам, насыщенности своей жизни и своей талантливости, он сам, в конечном итоге, сделался олицетворением и живым синтезом русской действительности всей прожитой им исторической эпохи. Его лекции и даже простые рассказы его из области воспоминаний изобиловали еще никем незаписанными подробностями из совсем недавнего и сравнительно недавнего прошлого русской Церкви, русской духовной школы, русского духовного сословия, русской культурной, общественной и политической жизни. И потому можно с уверенностью считать, что не только ученое наследство Антона Владимировича, но и все решительно, что было связано с его мощной фигурой ценно для истории: помимо историка русской Церкви и русской академической науки, тут многое могут почерпать ценители русского быта и вообще исследователи истории России за последние полстолетия... По всем этим причинам его уход из этой жизни явился и для Свято-Сергиевской Академии, и для всей русской эмиграции, и для современной православной бого-

словской науки и всей православной культуры потерей тяжелой, утратой непоправимой, невозполнимым лишением...

Хотя Антон Владимирович пережил 85-летний возраст, хотя за последний год его жизни умножились и усилились зловещие проявления его недомогания, смерть его для всех была полной неожиданностью. До последнего дня он мыслил, творил, писал, занимался делами Академии. Несмотря на годы и немощи, он и в истекшем академическом году занимал, как и прежде, лекционные часы своих коллег, освобождавшиеся по причине заболевания последних или их временной отлучки. За несколько дней до кончины, он еще составлял латинский текст почетных докторских дипломов в виду предстоящего празднования 35-летнего юбилея Свято-Сергиевской парижской Академии. Для всех окружающих, до самого конца он продолжал быть воплощением стихийной жизненной силы и творческого вдохновения. И однако сам Антон Владимирович, как об этом знают все близкие ему, постоянно вспоминал о неизбежности смертного часа и непрестанно и усиленно готовился к нему.

«Се тебе талант Владыка вверяет, душе моя, страхом прими дар». Эта стихира Великого Вторника с некоторыми другими песнопениями Страстной Седмицы была, по желанию почившего, неоднократно им выражаемому, пропета над его гробом во время его отпевания. Эта просьба покойного, как и самое содержание стихир, вскрывая одну из главных тем внутренней жизни Антона Владимировича, показывают, что сам он, конечно, сознавая свою даровитость и непрерываемость своего авторитета, тем не менее строго судил и эту даровитость и всю свою высокотворческую важную для Церкви деятельность, никогда не забывая, что, без стяжания Св. Духа, они не составят того приумноженного таланта, который надлежит ему представить своему Создателю и Судии. Здесь мы коснулись области уже сокровенной, о которой еще тем более трудно писать, что сам Антон Владимирович прямо об ней никогда не говорил. Однако, многое в личности и в жизни Антона Владимировича объяснялось его стоянием перед Христом и свидетельствовало о нем. И не упоминать об этом, означало бы пройти без внимания мимо того главного, чем жил Антон Владимирович и чем определялось у него все остальное.

В этой связи стоит, прежде всего, его удивительная литургичность, которой дышит все его творчество, которой пронизана вся его жизнь. Антон Владимирович с детства полюбил церковное богослужение; мальчиком он прислуживал в храме и в десятилетнем возрасте он был посвящен в стихарь своим епархиальным архиереем, епископом Иринеем Екатеринбургским (Орда) и принял

звание чтеца. Красота церковная, конечно, питала его эстетически одаренную натуру, но основным для него в богослужении было созерцание раскрывавшихся в нем церковных догматов и домостроительственных тайн. В этом отношении Страстная Седмица и Пасха были для него верхом молитвенного переживания. Но он тоже любил и будничное богослужение и также питался им. Его часто можно было видеть в храме Сергиевского Подворья, стоящего на клиросе вместе со студентами, принимающего деятельное участие в церковном пении и чтении. Он, по собственному выражению, постоянно «пропагандировал» некоторые службы, как, напр., утреню Акафиста, совершаемую в субботу 5-ой седмицы Вел. Поста, службы замечательные по красоте и содержанию, но мало известные широкому церковному обществу. А своим слушателям в академии он и примером и словом неутомимо пытался внушить сколько то, что он красочно по-бурсацки называл иногда «дьячковской наукой», может открыть верующему сердцу и богословствующему уму.

В этой связи стоит тоже и библеизм Антона Владимировича. Будучи, в основном, церковным историком, он, однако, был специалистом и по Свящ. Писанию, в частности по Свящ. Писанию Ветхого Завета. Его он любил как Слово Божие и старался в нем постичь и выявить Божественное откровение, содержащееся в нем для всех времен и эпох. Для этого он прибегал ко всей научной технике его исследования, связанной с филологией и историческим методом его изучения. К сожалению, очень мало известно широким кругам об Антоне Владимировиче, как экзегете Ветхого Завета. Сам он только смог напечатать только свою, в свое время нашумевшую, актовую речь о библейской критике, сказанную им 17-го февраля 1944 года. Но этим критицизмом далеко не исчерпывался библеизм Антона Владимировича. Он вникал в Писание и через богослужение и молитву, на основании буквы и общего духа текстов оправдывал правильность их истолкования в церковном предании. И потому, несмотря на всю свою ученую аппаратуру, это был истинный церковный, христианский, подлинно богословский библеизм, которым Антон Владимирович воспламенял сердца своих слушателей, попутно свидетельствуя о своем внутреннем горении.

Но вот Антон Владимирович выходил из академического храма или из аудитории, проходил церковный двор и возвращался в свой рабочий кабинет. И тут за своим письменным столом, всегда заваленным горами книг и бумаг, он продолжал стоять перед Христом. Об этом говорит, во-первых, его поразительное трудолюбие, свидетельствующее о его смирении и как ученого и как человека. Несмотря на свою талантливость, на накопленный им в течение долгих десятилетий колоссальный запас знаний, он непре-

станно работал, пополняя этот запас. Работая над своими «Очерками по Истории Русской Церкви», он шутя заявлял: «Я сейчас вижу смысл своей жизни в количестве прочитанных строк». И, несмотря на преклонные годы, он даже совершил поездку в Рим, чтобы поработать в тамошних библиотеках над документами по истории русской Церкви, там оказавшимися после второй мировой войны.

О глубокой христианской настроенности Антона Владимировича, как и о его удивительном смирении, говорило, также, и его отношение к человеку. Он был доступен решительно всем, в нем не было ни капли снобизма, который заставлял бы его гнушаться людьми. Если же он с кем-нибудь расходился или же по поводу кого-нибудь впадал в негодование, то это было только по причинам принципиального характера, в частности, по своей непримиримости к советской власти и по нетерпению в этой области никаких компромиссов. Но и эти случаи были редким явлением. Вообще же он был заранее открыт всякому приходящему к нему: он с таким же вниманием и радушием принимал коллег, соратников, представителей культуры или общественности, как и какого-нибудь заурядного студента, пришедшего к нему для разрешения незадачливого вопроса. Всех он понимал, когда надо поддерживать, воодушевлял своим примером непоколебимой верности Христу, Церкви, России, идеалу Святой Руси. Всем давал обильно питаться от своего колоссального опыта, жизненного, научного, церковного, духовно-благодатного, над умножением которого он, как раб и ученик Христов, не переставал трудиться до последнего вздоха.

III.

«Не может укрыться город, стоящий на верху горы; и зажегши свечу, не ставят ее под сосудом» (Мф. 5, 14-15). Так не могло не прорываться наружу одновременно с научным и небесное сокровище, накапливаемое Антоном Владимировичем в тайниках сердца. И потому неудивительно, что даже за долгие годы перед концом своего земного поприща он во многом перерос в себе профессора и ученого, приближаясь к харизме учительства церковного и благодатного наставничества, порою даже выступая в облици пророка. Он удивлял глубиной своего проникновения в тайну Церкви, как богочеловеческого организма. В церковной истории через ее человеческую оболочку, часто запятнанную человеческим грехом, он умел прозирать в скрывающемся за ней, видеть действие Св. Духа, живущего в Церкви и ведущего ее, делать очевидным это действие и своим слушателям. Ему становились близкими все сотрудники Христовы по

созиданию этой истории, великие Отцы, святые. Он их чувствовал и понимал до такой степени живо, что могло иногда казаться, что он их знал лично, на подобие всех тех работников на ниве церковной, с которыми ему дано было встречаться и сотрудничать в течение своей долгой жизни. В отношении к современной ему церковной действительности этот, ставший присущим его духу, дар проникновения в истинную сущность событий церковной истории сопровождался у него и подлинным даром различения духов: очень многое из того, с чем Антон Владимирович не соглашался, что он обличал, как нецерковное, неподлинное и порочное в действительности проявляло себя как таковое по истечении некоторого временного срока; напротив, то, что он принимал и приветствовал, оправдывалось почти всегда, как начинание жизненное и полезное для Церкви.

Как все те, которые богословствовали от живого опыта, покойный Антон Владимирович не смог превратиться в узкого специалиста в какой-нибудь частной области церковных наук, но, занимаясь по преимуществу церковной историей, он был и оставался всеобъемлющим в этих науках, духовно и творчески живо воспринимая каждую из отраслей богословия. Это тоже приближало его к примеру великих отцов. Часто его упрекали за то, что он всех своих богословских взглядов никогда и нигде не старался синтезировать. По собственному признанию он это делал вполне сознательно. Причиной этому было его опасение впадения в односторонность или в стилизацию, неизбежные при всякой систематизации, нежелание этим обеднить то, что открывалось ему в непосредственном опыте, как необъятное богатство предания церковного.

В отношении будущих судеб Церкви, да и вообще в отношении всякого будущего, Антон Владимирович проявлял дерзновенную уверенность в победу правды над всякой ложью, жизни над всем мертвящим ее, света над всякой тьмою. Он скромно называл эту проявляющуюся у него уверенность своим оптимизмом. Но это далеко не было природной чертой характера или результатом жизненного или научно-исторического, но чисто человеческого опыта, а зиждилось на опытном знании законов Царствия Божия, уже пришедшего в силу и неприметно действующего в нашем еще непросветленном мире. В науке эта вера связывалась у него с его проповедью о восстановлении Святой Руси, составлявшей одну из его любимейших тем. В жизни она проявлялась и бывала решающей в трудные минуты жизни Свято-Сергиевской парижской Академии. Всем памяты темные дни начала второй мировой войны, трагические для мира, критические для Академии. Академия в эти дни оказалась отрезанной от поддерживавших ее друзей; более половины ее профессоров, выехавших на лето за границу, не смог-

ли вернуться в нее из-за начавшихся военных действий. Из профессоров, возглавлявших ее, в Париже в сентябре 1939 года находились только Антон Владимирович и только что перенесший тяжелую операцию о. Сергей Булгаков. Все обрекало Академию на закрытие. Антон Владимирович решил не прекращать работу, несмотря ни на какие обстоятельства. И Академия сохранилась, выжила, вопреки трудным условиям, связанным с войной и оккупацией. Более того, это были годы напряженной, творческой, плодотворной работы. Академии пришли в помощь новые друзья. Она воспитала в эти годы то младшее поколение священнослужителей, богословов, церковных деятелей, которое обеспечило смену старшему поколению и которое в настоящий момент занимает профессорские кафедры и ответственные церковные посты, как в Западно-европейском Русском Экзархате, так и в других местах русского рассеяния. Те, кто учились в Академии в эти годы, преисполненные материальных лишений, ознаменованные мировыми потрясениями, сохранили воспоминание о своем пребывании в ней, как о светлой, благодатной полосе своей жизни, оставившей в их душах неизгладимый след. И многое, многое из этих воспоминаний у них связывается именно с только что умершим Антоном Владимировичем, с его вдохновляющим словом, с его примером подлинной церковности, дерзновенного стояния на страже дела Церкви, непоколебимой веры в незыблемость данных ей обетований.

В этой связи нельзя не упомянуть и о другом замечательном даре, стяжать который также дано было почившему. Это дар создавать людей, пробуждать заложенное в них призвание, направлять их по намечающемуся для них пути, снабжать их на всю жизнь духовным зарядом для следования по нему. Из молодого поколения богословов, речь о которых была немного выше, большая часть была непосредственными учениками покойного, оставленными им по окончании курса при кафедрах истории и библейского богословия. Но его любят и почитают, как наставника, сыгравшего решительную роль в их жизни, не только люди богословской науки: многие и многие приходские батюшки несут ему в своем сердце благодарность как за знания, полученные от него, так и за ту любовь, которую он породил или укрепил в них ко Христу и к Церкви и к воспринятому ими в ней служению. Его считают своим наставником и идеологом и многочисленные миряне, никогда не бывшие в богословской школе. Он был любимейшим сратором на Дне Русской Церковной Культуры, устраиваемом одно время каждый год на Сергиевском Подворье в праздник всех святых в земле русской просиявших. О его популярности и о любви к нему во всех слоях церковного общества свидетельство-

вали Епархиальные Съезды нашего Русского Западно-европейского Экзархата, на которых он неизменно избирался в Епархиальный Совет, собирая всегда наибольшее количество голосов. По всему этому все православное русское рассеяние, если не весь православный мир, провожает его сегодня в вечную жизнь, как своего любимейшего и глубокопочитаемого духовного вождя, повторяя за него слова Апостола: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия...» (I Тим. 4, 6-7). И потому, воистину «блажен путь, во онъ же идеши днесь, душе...».

**

Вспоминается только что пережитое погребение А. В. Карташева. Хмурый сентябрьский день. Часто срывающийся сильный дождь бьет в окна храма. Небольшая Успенская церковь на русском кладбище в *Sainte-Geneviève-des-Bois* полна молящихся, прибывших, несмотря на непогоду и на дальность расстояния, воздать последний долг усопшему. Тут и сверстники, и соратники покойного, его коллеги, его русские и иностранные друзья, представители русского и греческого духовенства, его ученики и немало молодых, никогда не бывших его слушателями по Академии. Епископу Кассиану, ректору Академии, совершающему заупокойную литургию и чин отпевания, сослужат ученики покойного, облеченные в священный сан. В алтаре присутствует епископ, представляющий Вселенского Патриарха. Хор, состоящий в значительной части из студентов и бывших студентов Академии, вместе с погребальными песнями исполняет и некоторые песнопения Страстной седмицы, которые особенно любил покойный. С этим хором часто пел сам Антон Владимирович. Иногда кажется, что и теперь к его пению присоединяется и его голос.

Гроб Антона Владимировича из церкви выносят и окружают его ученики, священнослужители или молодые церковные деятели. В эту минуту вспоминается другое погребение и слова, с которыми тому назад шестнадцать лет Антон Владимирович обратился к уходящему в иной мир о. Сергию Булгакову: «Дорогой, незабвенный отец Сергей! Возносясь от нас, подобно восходящему на огненной колеснице Илию, брось нам, остающимся, как это сделал Илия Елисею, твою милость пламенного вдохновения, упорного трудолюбия и неоскудеваемой любви к Церкви!» С этой же просьбой невольно обращаешься к ныне также ушедшему Антону Владимировичу. И крепко верится, как верил сам покойный, что, хотя умер он на чужбине и лег

костью на эмигрантском кладбище, непременно устоит все дело, которому он служил, что наступят дни, когда на горячо любимой им родине снова воссияет во всей своей красе и славе богословская школа, а на ней почиет его дух. И сможет снова Русь давать таких, как он, могучих богатырей Христовых, строителей церковной культуры, истинных ловцов человеков, во сто крат умножающих в себе и в других от Бога дарованные таланты.

А. КАРТАШЕВ

ЛЕВ ПЛАТОНОВИЧ КАРСАВИН*)

(1882—1952 г.)

С большим запозданием дошла до нас — друзей и современников Л. П. Карсавина весть о его смерти на Уральско-Сибирской каторге уже в 1952 году, 12/VII. Довольно подробные сведения о последних годах лагерной жизни Л. Пл-ча в зауральской тундре сообщены по письмам оттуда и записям очевидцев, живших с ним в лагерях, или только навещавших его там (см. Ватиканское издание *Orientalia Chr-na*, 1958, «Vom Leben u. Sterben eines russischen Metaphysikers. Ein verspätetes Nachruf auf Leo Karsavin † 12, VII, 1952»).

При всей скудости и сухости этих сообщений, а может быть, — совершенно ненароком, именно через эту житийную лаконичность, мы потрясаемся, встречаясь тут неожиданно для нас именно с Карсавинской феноменальностью. Она так бросается в глаза, так покоряет нас, что мы невольно как бы слышим окрик, раздавшийся к Моисею из купины горящей: «иззуй сапоги твои ибо место, на котором ты стоишь, место — святое». Мы видим уже просветленного Льва Платоновича. Дошедшее до нас по-смертно-житийное изображение лагерно-арестантской жизни Л. Пл-ча радуется, прямо чарует нас своей верностью основным чертам его выдающейся личности, известной нам еще с молодых лет.

Я помню, как в годы первой мировой войны (1914-1917 г.) проф. СПб Унив-та И. М. Гревс (историк — медиэвист) мне говорил: «из всех моих учеников я первым по талантливости ставлю Г. П. Федотова. Но, конечно, выше всех сравнений я считаю сверхдаровитого Карсавина». Лично я начал встречаться с покой-

*) Статья эта была передана автором Редакции *Вестника* за несколько недель до кончины.

ным Л. Пл-вичем, как секретарь ист.-фил. факультета Высш. Жен. Курсов. До революции это было женское отделение историко-фил. фак-та СПб Ун-та с почти целиком входящим в него составом университетских профессоров и доцентов. Лев Пл. — при посещениях Имп. Публ. Библиотеки, стал заглядывать и ко мне. Я был тогда библиотекарем. В этот период он писал свой докторский труд: «Средневековое мировоззрение». Я был на его диспуте. Возражатели упрекали Л. Пл-ча за отрыв от более конкретных тем и за попытку «объять необъятное». Но именно к этому то «необъятному» и потянулась его душа. Он изжил общеуниверситетскую агностическую внерелигиозность и потянулся к положительной средневековой музыке души, дышавшей Богом, естественно, как воздухом. Мне достопамятно деликатное признание в этом самого Л. Пл-ча. Если не ошибаюсь, это было уже летом — осенью 1914 г., когда грянула война. Л. Пл-ч зашел ко мне в богословское отделение перед моим уходом в 4 часа. Разговаривая, мы тихо шагали вместе при хорошей солнечной погоде мимо Гостиного Двора в направлении к Казанскому Собору. Он как то вызывающе изливался о своих неудержимых «карабканьях» на скалу веры, к огню и свету. Я — ему: «дай Вам Бог поскорее опалить в этом огне Ваши крылышки». Он — мгновенно, со сдержанным порывом, заглядывая сбоку мне в лицо, с обычным улыбочивым выражением, отчеканил: «да я уже и опалил»... Я был радостно взволнован этой драгоценной искренностью. Не хотел уже от волнения продолжать разговора, достигшего многозначительного завершения...

Я приобрел великого собрата для задуманного мной тогда братства православных ученых, писателей и общественных деятелей.

При дальнейших встречах я осторожно, без нажима напоминал Льву Платоновичу о форме церковно-братской организованности и встречал с его стороны общее одобрение. Но и мой час еще не пришел.

Друзья познаются в несчастье. Революция 25-го октября 1917 г. Мое заключение в Петропавловской крепости. Мое полусекретное освобождение (25/I 1918 г.) с указанием — не жить у себя дома. Вот тут друзья позаботились. Из тюрьмы (Крестов) везут меня на Васильевский остров к проф. В. Н. Бенешевичу. После четырехдневного проживания у него меня перевозят к Л. П. Карсавину. Он — инспектор Истор. Фил. Института. Университетская набережная, рядом с Университетом. Семья Л. Пл-ча

где-то в деревне: — кормится. А тут с ним только старичек — отец, по профессии театральный декоратор. Все замерло, все бездействует. На кухне еще есть какая-то прислуга, готовящая обед к назначенному часу из матерьялов довольно скудных. Л. Пл-ч является «со службы» минут за 5-10. Сразу садится за письменный стол и к оборванным строкам, как машина, бойко приписывает 5-10 строк. Сосредоточенность внимания и памяти — феноменальная. Если надо было навести порядок, подметал пол, топил печку, делал себе и нам двоим ванну. Все бойко и всегда с веселой улыбкой. О главном тут я не говорил ни слова, но морально отдыхал в теплоте дружбы и ласки: «я — у себя дома». От Карсавина меня моя сестра — медичка перевезла на три дня к проф. П. Н. Жуковичу. Оттуда я переселился сравнительно надолго (фактически вышло — на 3 месяца) к С. П. Каблукову. Он — холостяк, секретарь Религ. Философ. О-ва. Еще можно было в этот анархический для большевиков период долго жить так тайно, без прописки, под покровом старых дворников, в большинстве приверженцев прежнего быта.

За эти недели и даже месяцы наступающей весны (Велик. пост и Пасха) я успел сговориться со своими друзьями о своевременности создания организованной формы культурных мирянских сил для защиты религии и церкви в наступившем периоде гонений. Традиционно-исторический образец для нас русских, это — наши противоуниатские западно-русские братства, благословленные всеми восточными патриархами. Пора создавать инициативные группы в этом направлении.

Обнадеживала к этому и личность новоизбранного в СПб митрополита, молодого vicария Вениамина. Он собирал густые толпы богомольцев, совершая пассии в Александро-Невском Соборе. Сей вскоре священно-мученик митр. Вениамин был моим товарищем по учению в Академии, лишь одним годом старше меня: Василий Иванович Казанский, Олонецкой семинарии. Естественна смелость попросить у него формального благословения на нашу скромную инициативу: по замыслу большого обще-церковного начинания. А именно, благословения на учреждение мирянского всероссийского братства защиты церкви в эту искусительную минуту гонений. В назначенный день на Пасхе 1918 г., после литургии, мы явились к митр. Вениамину в его лаврские «покой», в тот момент еще незакрытые и неразоренные.

Кто эти — мы? Это была количественно малая кучка. Кроме меня — Л. П. Карсавин, проф. канонист В. Н. Бенешевич и С. П. Каблуков. Последний, в качестве личного друга лаврских монахов

и церковных старост, столичных соборов, технически подготовил наше свидание с митрополитом. Тотчас после литургии, за чашкой чая митр. Вениамин со свойственным ему детски сияющим лицом, без долгих разговоров, с радостью одобрил наше начинание и благословил нас съездить братски, вместе поговорить перед началом дела в Череменецкий монастырь на Череменецком озере под г. Лугой. Организовал эту поездку друг монахов С. П. Каблуков. Погода нам улыбулась. Солнце сияло все трое суток, которые мы провели в монастыре, помолились и поговорили. Редко я встречал, как отца духовного, столь живого и мудрого тамошнего игумена из простолодинов, о. Амвросия. Так он здраво, живо судил о вопросах религии и совести. На обратном пути Л. Пл. сообщил мне, что он приготовил к напечатанию в научно-популярной религиозно-философской серии, возглавлявшейся тогда Ф. Ф. Зелинским, книжку о римо-католичестве и убеждал меня в эту же серию, в том же объеме и стиле, написать книжку о Православии. Через 8 лет уже здесь в Париже, в эмиграции, выполнил это желание о. С. Булгаков своей известной книгой, недавно опять перепечатанной.

Тогда в России это были еще последние месяцы, быстро ухудшаемых остатков свободы мысли, печатного слова и всякой общестственности. Аресты, тюрьмы, казни, ссылки. Очередь подбиралась снова ко мне. Легкомысленный, но еще романтик старо-интеллигентского культа свободной мысли, ленинский министр народ. просвещ. Луначарский созвал на 5 июля 1918 г. в Москве профессорский съезд. Благодаря дружеской, хотя и вполне легальной помощи академика С. Ф. Ольденбурга (коллеги моего по Времен. Правительству), я легко получил депутатский лист на поездку в Москву на профессорский съезд. Этот недельный период съезда я единственный раз состоял на большевицком пайке и жил на Ходынке в депутатском общежитии в бараках медицинского факультета. Затем я погрузился в рискованную жизнь без прописки, с переменными ночлегами у друзей. Легально влился в работу Церковного Собора. Как выбранный в члены Высшего Церковного Совета (еще в ноябре 1917 г., во время моего заключения в Петропавловской крепости), я с июля 1918 г. начал заседать в нем, но одновременно стал готовить себе побег из СССР на какой либо фронт военно-освободительной борьбы. С патриархом Тихоном я условился, чтобы он вычеркнул меня из состава членов Высш. Ц. Совета, когда я ему сообщу, что делаю опыт ускользнуть за границу. Так он и сделал затем, по моему извещению. В

последнем календаре Гатцука на 1919 г., в сведениях о личном составе новых церковных учреждений моего имени уже нет.

Моя жизнь в Москве за это последнее мое пребывание на родной земле заслуживает еще особого повествования, в частности связанного и с обсуждением в Москве плана и возможностей широкой реализации того дела, на которое наша малая кучка получила благословение митр. Вениамина...

В Москве пред Рождеством 1918 г. я попросил отпуск у патриарха по случаю опасной болезни сестры в СПб и окять мог с документом члена Собора легально приехать в СПб «домой». Тут меня ждали дружеские предложения даровой переброски на свободу через финляндскую границу, что вскоре и осуществилось. По «великой Своей милости» Господь через это даровал мне вторую не краткую жизнь и свойственную мне школьно-богословскую работу для родной церкви.

Митр. Евлогий имел благожелательную мудрость решиться без наличных денег купить на государственном аукционе 1924 г. место на 93, rue de Crimée. Скрытое от улицы, как бы «на задворках», непривлекательное для коммерсантов, оно стало подлинным кладом для русской эмигрантской церкви. Первоначальная мысль митр. Евлогия была неумеренно скромна. Создать тут пастырскую школу для всяких добровольцев послужить делу церкви. Между тем процент специально университетских и учено-богословских сил в русской эмиграции оказался необычно высоким. В частности, профессора русских дух. академий влились в болгарские и сербские высшие школы. А в чешской Праге, при сочувствии и содействии исключительных вождей нации, Масарика и Крамаржа, скопился некий избыток русских университетских сил.

При такой обстановке, почти чудесно приобретенное митр. Евлогием место и церковь бывшей до 1914 г. немецкой колонии в Париже, с помещениями для классов, библиотеки, спален и столовой, не могло не наполниться жаждущими учиться и учить. Учено-богословские силы высшего ранга приглашались отовсюду. Приглашался тогда и архиеп. Феофан (Быстров), выдающийся ветхозаветник, гебраист. Но он, потрясенный фактом победы антихриста над последним православным III-м Римом, впал в эсхатологический отрыв от мира сего, ушел в единоличную Фиваиду и умер запостившись в глуши центра Франции. Гостеприимство «человеку Божию» представили у себя самые простые христороубы.

Вот в этот момент довольно громких разговоров об открытии в русской эмиграции Высшей Богословской Школы, Л. П. Карсавин был уже среди нас в Европе в числе той группы интеллигентов, которую большевики не решились расстрелять. Под влиянием Луначарского эта группа из 22-х лиц была в 1922 г. просто выброшена в «буржуазный мир». Часть в Германию — Чехословакию, часть за южную границу — из Крыма в Константинополь. В воздухе у нас носилась идея открытия Богословской Академии. Казалось скорее всего в Праге. Л. П. Карсавин раньше всех, как бы щеголяя своими талантами, пишет и печатает два тома патрологии: «Учение об отцах церкви» (YMCA-Press. 1926). Когда митр. Евлогию удалось в 1924 г. приобрести на аукционе имение с церковью и школьными помещениями, ставшее Сергиевым Подворьем, мечта об открытии Высшей Богословской Школы, естественно перенеслась на Париж. О. С. Булгаков, приехавший из КПиля в Прагу, без споров уже признан был главителем этого научно-богословского и школьного предприятия. Наше Подворье очень примитивно, аскетически убого, но с вдохновением благоустроилось. Когда летом 1925 г. в Париж переселился о. С. Булгаков, у меня в руках было уже письмо Л. П. Карсавина с предложением — стать у нас патрологом. Я с наивной готовностью доложил это нашему декану и был им окачен ушатом холодной отрезвляющей воды. Я оказался круглым невеждой в том, что всей профессорской Праге давно было известно. Да и сам Карсавин нашел нужным увековечить свое бурное переживание в целой книге: *De profundis*. Л. Пл-ч ничуть не скрывал в университетской среде своего увлечения одной из первых женщин, вошедших в состав университетской корпорации. Что и как было потом, я ровно ничего не знаю. Только высылка из России на Запад, куда Л. П. Карсавин прибыл со своей семьей, повидимому была спасительным освобождением от временно охватившего его кошмара. Л. Пл-ч около 1930 г. очутился в Париже в окружении евразийцев, но партийно-политическая чеканка была преходящей случайностью. Приглашенный вскоре в Литву, в новооткрытый там Ковенский Университет, на кафедру всеобщей истории с обязательством через два года начать преподавать на литовском языке, Л. Пл-ч уже через год начал читать лекции по-литовски. Когда, после безумной попытки Хитлера проглотить всю Россию, Литва с 1940 г. вновь стала частью СССР-ии, Л. Пл-чу пришлось отказаться от театрального костюма литовского профессора и стать просто русским ученым. Не задирая против все сильнее и безумнее порабошавшего сталинизма, после 6-летнего

периода покорности режиму, все-же при новых чистках, в конце 1947 г. Л. Пл-ч был беспощадно отправлен на каторжные работы, за Полярный Круг в 600 килом. от Ледовитого океана, между Интой и Воркутой.

Вот тут-то и открыли его римо-католики восточного обряда, собравшись по каторжным лагерям. И не могли, не просто, как люди, но именно, как христиане, не поразиться ни с кем несравненной личностью Л. Пл-ча. Они слушали — заслушивались его. Они, как все тянувшиеся к Л. Пл-чу, насыщались от крупниц, падающих от «трапезы богатого», не духовно только, но и телесно. Из столиц ученики, почитатели и близкие присылали Л. Пл-чу узаконенные питательные посылки. И он царски угощал ими окружающих.

Но каторга, есть каторга. Истощение ускорило конец, какой ощутимо приблизился и наступил. Лев Платонович предсмертно исповедался и приобщился у того униатского священника русского восточного обряда, который был в числе немногих восхищенных слушателей чайных глоссолалий Л. Пл-ча. Тот же униатский священник и отпел и похоронил Л. Пл-ча. Но какое убогое, паспортно-казенное освещение придается латино-римским жизнеописателем этому подлинно карсавинскому принятию напутственного таинства, пусть и в лоне и черте римской церкви. Это не измена, не отказ, не сдача восточной позиции, с предпочтением ей униатско-западной, а просто принятие данной единственной реальности с высоты парящего над ней надвероисповедного, католического, вселенски-церковного сознания. Церкви, расколовшись, съузили себя. Эта человеческая, расовая разность не должна, да на деле и не может заглушить в нашей совести высочайшей истины, что мы все — крещеные, все христиане «едино есьмы», как Отец в Сыне и Сын в Отце. (Ин. XVI). Чтобы сократить об этом общие суждения, признаемся по совести, что в данной обстановке, в положении Карсавина *in extremis*, когда в наличности нет своего православного отца духовного, мы сами приняли бы с признательностью к благому Промыслу Божию такое напутствие, даже и прямо от римо-католика. Пусть возглавители церквей претендуют на какую-то божескую, абсолютную «непогрешимость». Они сами ответят за искажение авторитета церкви, за снижение его до уровня языческого суеверия в непогрешимость *papae sese, sed non ex consensu ecclesiae*. Бог им судья!

Но никаким маленьким и узколобым людям не упростить русской гениальной личности Л. П. Карсавина. Ее не вогнать и не уложить в метрическое свидетельство униатского батюшки, что такой то имярек был у него у исповеди и св. причастия. Нет, пусть

обольщают самих себя, что они сделали из Карсавина своего конвертита. Ни книги его о римо-католичестве они не уничтожат, ни нашего общего говения в Череменинском монастыре по благословению священномученика СПб митрополита Вениамина!

15- VII-1960.

Прот. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ С. Л. ФРАНКА

В декабре этого года исполняется десять лет со дня смерти замечательного русского философа и писателя — Семена Людвиговича Франка. Хочется напомнить всем об огромном значении его творчества, которое вошло в историю русской культуры, как богатейший вклад в нее.

С. Л. был прежде всего выдающимся философом, едва ли не самым замечательным среди русских мыслителей. Его мировоззрение, начиная с первой его большой книги («Предмет знания») и кончая вышедшей уже после смерти книгой «Человек и реальность», оставалось все время цельным, — одна основная идея (защита понятия интуиции) пронизывает собой и теорию познания и метафизику, и антропологию. В философской системе Франка над всем доминирует мысль о «Первореальности» — непостижимой, но всюду себя отражающей и это придает системе Франка по существу религиозный характер.

Франк писал чрезвычайно ясно и четко, в его мысли не было ни расплывчатости ни ненужной туманности — в этом смысле Франк стоит среди русских философов на первом месте. Укажем на превосходную книгу С. Л. «Свет во тьме», посвященную проблемам морали — доступность и ясность изложения соперничает здесь с глубиной содержания.

С. Л. очень много писал по вопросам литературы, — его последней книгой по литературе была превосходная работа о Пушкине, как мыслителя (этюды о Пушкине). Не менее замечательны его другие литературные статьи, особенно ценна его статья о Тютчеве.

Хочется еще напомнить его этюд «Крушение кумиров», где дана суровая, но и правдивая и обоснованная критика былых русских «кумиров», — идеологических построений русской интеллигенции XIX века. Это лучшая книга по анализу всей дореволюционной русской идеологии. Но Франк не был пессимистом — в его публици-

стических статьях, особенно в книге «Свет во тьме» есть всегда призыв к творческому преобразению жизни — к «реформе бытия», как он выражается. Это в сущности новая теория прогресса, свободная от недостатков прежней теории прогресса.

К творчеству Франка должно всегда возвращаться, чтобы искать в нем вдумчивого и глубокого анализа основных тем культуры и жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

СТАТЬЯ-РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГИ О. ИОАННА МЕЙЕНДОРФА

Книга о. Иоанна Мейендорфа, заслужившая ему степень доктора Истории Парижского Университета «Introduction à l'étude de Grégoire Palamas», éd. du Seuil, лучше всего может быть оценена эрудитами-историками и богословами, но это не исключает и оценки ее со стороны просто образованных, религиозных читателей.

Означенная книга в особенности поддается такой оценке, т. к. она — книга религиозная. Она является таковой потому, что при чтении ее чувствуется, что автор ее не только историк и богослов, но и церковный деятель своей эпохи. В книге выявляется вся личность автора в ее неделимой цельности и в этом сила книги, ее религиозная значительность.

К основному предмету своего исследования — к св. Григорию Паламе, несмотря на всю свою безусловную научную объективность, автор подходит, как к живому и дорогому ему лицу; как к деятелю незаменимому для Церкви, которой служит и он сам. Автор возлюбил св. Григория сыновней любовью, с которой и надо подходить к отцам Церкви. Такая любовь, понуждая исследователя быть, в некоторой степени, продолжателем дела того отца, о котором он пишет и, не нарушая объективности, обостряет, оплодотворяет исследовательскую интуицию.

Указанные свойства автора чувствуются уже в первой части книги, посвященной жизни св. Григория Паламы.

Первое, чего нельзя здесь не заметить это то, что автор совершенно свободен от присущего многим историкам (даже Церкви) грубого эмпиризма, пытающегося объяснить ту или иную историческую личность почти всецело качествами среды, в которой она действует.

В изложении о. Иоанна, личность св. Григория являет в себе ничем эмпирически не определяемую глубину, действительно присущую всякой личности, особенно же религиозной. Примером сказанного является описание политической деятельности Паламы. В нем дан нам образ выступления подлинного святого, в той области, в которую святые обычно не заглядывают. Из означенного описания видно, что, находясь под давлением то одного, то другого политического клана, св. Григорий неизменно шел только им самим избранным путем и добился хотя бы временного примирения противников. Образ этого примирения (два претендента одновременно занявших один и тот же престол) столь необычайно, что едва ли имеет исторические прецеденты.

Но именно эта необычайность убеждает нас, что в лице Паламы, мы имеем дело эффективного вмешательства в дела Земного Царства деятеля Царства не от мира сего.

Сознание того, что личность, укорененная в Боге и в Церкви действительно может преобразать любую сферу бытия, не может не радовать христианское сердце, но доказательство этой возможности ведь и есть, в сущности, главная религиозная цель книги о. Иоанна Мейендорфа, и в то же время и основной мотив писаний самого Григория Паламы.

Обоснованию этой возможности подлинного освящения человека, а через него — всего мира, посвящена вторая богословская, патрологическая часть книги. Строго говоря, цель автора, конечно, заключается только в правильном изложении учения св. Григория, но автор — все же — не может скрыть своего сочувствия тому, что он излагает. Иными словами, в этой части книги нельзя не усмотреть апологетической и одновременно экуменической цели, которую, наряду с чисто научной, преследует автор.

Он стремится показать всю значительность св. Григория не только православному, но инославному, христианскому миру; при этом, он обнаруживает большой экуменический такт; он почти нигде не полемизирует с западными противниками Паламы, а лишь показывает, что их недоверие основано на недостаточном знании предмета.

Но этого достаточного знания не могло и быть, т. к. значительная часть произведений великого учителя Церкви, как и многие труды его противников впервые изданы и переведены на французский язык лишь недавно, усилиями самого о. Иоанна Мейендорфа. Если бы он ограничился только этой работой, то и это было бы уже исключительным научным подвигом.

О. Иоанн излагает учение св. Григория в контексте всей православной святоотеческой письменности и отчетливо показывает, что оно только развивает и дополняет традиционную церковную доктрину в свое время принятую всем христианским миром. Из изложения автора видно, что исихасты, учителя внутреннего делания и Иисусовой молитвы, свои особые методы приближения к Богу связывали всегда с полнотой всей церковной жизни, в особенности же с жизнью сакраментальной и с евангельским и библейским вообще пониманием человека. Из этого изложения видно и то, что православная духовная жизнь искони была христочентричной; если же и были в ней эллинистические (главным образом неоплатонические уклоны), то они не искажали главной, основной духовной линии. При описании этих уклонов, очень ценны указания автора на Евагрия и Псевдо-Дионисия.

Вся эта часть книги обнаруживает неисчерпаемое богатство догматической тематики. Перебирая почти все основные догматические темы, автор кропотливо и отчетливо выявляет всю терминологическую, главным образом, новизну писаний салоникского святителя. В настоящей краткой статье можно указать только на некоторые основные темы.

Прежде всего, благодаря учению Паламы об энергиях, как активном проявлении всякой сущности, догма VI Вселенского Собора о двух волях во Христе трудно усвояемый, даже после разъяснений Леонтия Византийского и Максима Исповедника, становится более открытым нашему сознанию.

Заслуги св. Григория в этой области были признаны и паламитскими соборами, которые сами рассматривали его учение, как продолжение дела VI Собора. Согласно книге о. Иоанна, не менее важное значение имеют и те уточнения, которые св. Григорий внес в учение о составе человека, как и о благодати и обожении.

По мнению о. Иоанна твердое разграничение понятий пневмы (Ду-

ха) и нус (разума) должны положить предел смешению языческой (неоплатонической) и христианской мистике.

В рецензируемой книге очень ценно и то, что автор сообщает о доктрине св. Григория относительно благодатного познания Бога. Это учение может лечь в основу христианской гносеологии вообще. Многие приведенные автором слова св. Григория о том, что, при благодатном познании Бога, Он Сам является и познающим и познаваемым, позволяют как-то особенно живо и трепетно почувствовать весь реализм православного учения об облагодатствовании человека.

В книге также чрезвычайно рельефно показано, что православное троическое богословие зиждется на безусловном признании за основу божественной жизни ипостасного, личного начала. Это убеждение помогает нам лучше понять, как божественное единство, так и единство и цельность (сотворенного по образу Божию) человека. Преодоление дуалистического (эллинского) понимания человека (душа — пленница тела) способствует в высшей мере и преодолению всякого квиетизма. Автор отчетливо показывает, что, благодаря всему сказанному, православная духовность (мистическая жизнь) очень далека от отвлеченной, пассивной созерцательности, а есть приобщение живому личному Богу и потому может быть основой всякой истинной активности христиан.

В связи с этим, особенно актуально в передаче о. Иоанна становится учение св. Григория о действии Бога в Истории, о центральном значении для ее хода события боговоплощения, благодаря которому каждый христианин может стать проводником божественных велений (энергий) в мире. Называя в связи с этим учение св. Григория экзистенциальным, автор, конечно не ошибается; этот термин особенно уместен, если принять во внимание апологетическую живую цель, которую, при всей своей научности, не может не преследовать автор.

Эта апологетическая и как бы побочная для научного труда, а с точки зрения религиозной, основная цель автора более открыто выявлена в его полупопулярном труде «St-Grégoire Palamas et la mystique orthodoxe», éd. du Seuil. Здесь автор договаривает многое из того, чего не договорил в труде научном. При чтении этой книги выясняется, что автор ее глубоко верит, что весь подвиг монахов, приводящий иногда к их всецелому облагодатствованию, не есть их частное дело, а нечто, что может лечь в основу подлинного преображения мира.

Во второй своей небольшой книге автор твердо исповедует и то, что дело православных подвижников — это только цвет того дела, которое творится в Церкви и через Церковь и которое может и должен творить каждый истинный православный христианин.

Автор показывает, что никакой бездны между удалившимися от мира отшельниками и подлинной христианской культурой нет и не должно быть, и что в подвиге отшельников, эта культура находит истинное свое питание. В доказательство этому автор с одной стороны набрасывает картину постепенной секуляризации Запада, оторвавшегося от истинного мистического реализма, а с другой стороны дает панораму православного исихазма от древних времен до оптинских старцев и Иоанна Кронштадтского включительно.

К каким тупикам приводит секуляризация, все мы слишком хорошо знаем, а о том, что обнаруживается в культурной жизни, когда она снова начинает питаться истинными, живыми источниками Православной веры, свидетельствуют — пусть немногие — цветы нашей русской культуры.

Но надо, конечно, уметь разобраться в нашем наследии — не все, что в нем блестело и блестит, отражает вечный свет. Только искреннее, сознательное переживание нашей русской катастрофы, как Божьего Суда, может помочь отличить ложный блеск от истинного света. Для тех, кто умеет именно так, эсхатологически принимать исторические события нашего времени, обе книги отца Иоанна Мейендорфа могут стать в высшей степени ценным путеводителем и для их личной и общественной жизни. Нельзя не повторить, что обе книги имеют большую не только научную, но и религиозную значимость.

Jean Meyendorff «L'Eglise orthodoxe hier et aujourd'hui». Editions du Seuil.

В своей исключительно нужной новой книге о. И. Мейендорф договаривает до конца то, что чувствовалось, как затаенная отчасти цель в двух предшествующих его книгах. Новая книга всецело вдохновлена двумя пожеланиями: раскрыть и защитить Православие перед лицом инославного Запада и сделать нечто братское, конкретное в деле сближения с ним.

По мысли автора, путь к этому сближению — это «возвращение к истокам». Здесь он понимает не реставрацию далекого прошлого, но верность божественному Откровению, для чего требуется умение различать в церковном наследстве истинное Священное Предание от всего временного, частичного, способного затемнить. Автор твердо исповедует, что только Православная Церковь осталась во всем основном верной истине христианского откровения.

Православие рассматривает он преимущественно в плане историческом и, естественно, в согласии со своей верой, начинает изложение от явления Христа и Сошествия Св. Духа. Далее следует кратчайшее резюме всей церковной истории. В связи с основными целями книги более подробно изложена история разделения Церквей и неудачные попытки уний. Также обстоятельно излагаются литургическая жизнь нашей Церкви, православное учение о св. Таинствах, об иконопочитании и о монашестве. Еще очень обстоятельно передается история восточных церквей за время турецкого ига, но может быть, уж слишком сокращено изложение русской церковной истории от начала до 1917 года. Оправдывающих автора обстоятельств, побудивших его сделать эти сокращения, можно найти конечно много, тем не менее, эта VI-ая глава о Русской Церкви по своей сокращенности вызывает порой определенно досадное чувство. Зато подробно и ярко изложено положение нашей церкви во время революции и в настоящее время, также как и все относящееся к положению других православных церквей. Поведать обо всем этом было конечно совершенно необходимо, тем не менее самыми значительными и полновесными являются 2 последние богословские главы и заключение.

Можно предположить, что все ответственные деятели сближения церквей должны будут очень серьезно считаться со всем изложенным в этих главах. Взгляды нашей Церкви на римские догматы об исхождении Св. Духа, о непорочном зачатии Божией Матери изложены в IX главе с исключительной ясностью и объективностью, также как учение св. Григория Паламы (любимые темы автора) и основы православной духовности. Здесь надлежит заметить, что в области этих последних вопросов

многие представители римской церкви проявляют все возрастающее понимание православных установок (см. статью L. Bouyer, в последнем 33 номере журнала Contacts. Многие книги очень видных католических писателей (того же L. Bouyer, Daniélou и многих других) о христианской сакраментальной и духовной жизни могут быть, нередко без всяких оговорок, горячо рекомендованы к чтению любому православному. С нашей стороны также слабее предубеждения относительно многих явлений святости и высокой духовности в западном христианском мире.

В последней главе книги кратко, но ясно и полно изложено православное учение о преемстве апостолу Петру, как исповеднику веры (Мат. XVI, 18), о положении епископов в церкви, о первенстве по почету римской церкви. Но, пожалуй, наибольшее значение имеет дальнейшее, исключительно яркое изложение основ всего православного учения о Церкви (экклесиологии), в частности, о непогрешимости ее. Вторая половина главы столь же ярко определяет положение Православной Церкви в отношении протестантского мира и современного экуменического движения. В «заключении» книги, автор еще раз подчеркивает неюридический характер Православной Церкви движимой Духом Святым, и ее верность первоначальному, всегда живому Священному Преданию. В то же время он не хочет огульно осуждать все уклоны западного инославного мира и снова братски призывает вернуться к общим истокам христианства, отмечая многое, что уже предвещает этот свободный и мудрый возврат. Не забывает автор в своем заключении снова призвать и православных к аскетической проверке всего того, что и у нас, как, напр., обостренный национализм, затемняло все же православное сознание. Книга о. И. Мейендорфа нужна отнюдь не только инославным христианам, но и нам, в особенности теперь, когда у нас наблюдается крайнее невежество в знании основ нашей православной веры и истории Церкви.

Прот. Александр Семенов Тянь-Шанский

Х Р О Н И К А

ДЕЛО АРХИЕПИСКОПА ИОВА

В июне нынешнего года Верховный Суд Татарской АССР приговорил Архиепископа Казанского Иова к трем годам лишения свободы с конфискацией имущества. Процессу была придана широкая огласка: статья в «Известиях» от 8 июля, статья в «Советской России» от 21 июня, отклики читателей в той-же газете от 20 июля и наконец, обширный обзор дела в июльском номере «Религии и Науки».

Обвинялся Архиепископ в... мошенничестве: за семь лет пребывания на Казанской кафедре, он, скрывая свои действительные доходы, не доплачивал государству свыше двух миллионов подоходного налога. Обвинение это, насколько нам известно, не соответствует действительности. Дело в том, что в Православной Церкви в СССР священнослужители, помимо жалованья, получают от Церкви ежемесячно на представительство довольно крупную сумму денег, не подлежащую налоговому обложению. К этим деньгам и придрались местные советские власти, наверно давно

искавшие любого предлога, чтобы избавиться от опасного идеологического противника.

Несостоятельность и шаткость обвинения подтверждаются тем, что Л. Забелеву, ответственному редактору «Науки и Религии» в обширной статье, озаглавленной «История нового Иова», понадобилось обличить Казанского Архиепископа во всевозможных грехах и пороках: измена родине и сотрудничество с фашистами, стяжательство, властолюбие, карьеризм, развратничество и т. д. Удивляться тут нечему, клевета на подсудимого — обычный прием советского «правосудия», но не в этих выпадах интерес статьи. В ней есть два ряда очень ценных указаний. В первую очередь из нее явствует, что Архиепископ Иов был бесспорно очень деятельным кормчим Казанской Епархии: «Затем Иов начал «укреплять» епархию... Скажем только, что Иову удалось убрать со своего пути недовольных, зажать епархию «в кулак». Иов регулярно читает проповеди, разъезжает по епархии... Руководство епархией, разъезды, проповеди отнимают много времени у предприимчивого Владыки...».

С другой стороны ряд текстов указывает на открытое идеологическое сопротивление архиепископа Иова советским властям; мы позволим себе привести их довольно детально. Сопротивление начинается в 1939 году с «освобождением» Красной Армией Западной Украины, где будущий Казанский Архиепископ (в миру — Владимир Андреевич Кресович) служил простым сельским священником. Во время немецкой оккупации о. Владимир беспощадно обличает большевиков и разоблачает их варварства. «Кресович объявил, что им будет отслужена панихида у могилы... «жертв большевизма». Могила была палицо. Холмик свеженасыпанной земли. В центре стоял крест. На нем «трезуб», вырезанный из жести, и табличка с антисоветской надписью. Сбитые с толку жители села Любче, никогда до этого не слышавшие ни о каких «жертвах большевизма», были встречены Кресовичем. В взволнованной проповеди он расписывал им же выдуманные «зверства большевиков» и благословлял фашистов-гитлеровцев». Эти попутные обвинения в сотрудничестве с немцами мало вероятны, т. к. советы давным давно расправились бы с коллаборантами, тем более, если они принадлежали к духовенству.

Сопротивление не прекращается с разгромом немцев, но принимает новые формы: «...и в ответ на предписание патриархии огласить верующим документы конгресса сторонников мира, отвечал отказом». Немного далее новое обвинение в оппозиции: «Свои выступления перед верующими он использует, чтобы возбудить у них сомнения, недовольство сложившимися в нашей стране общественными порядками». Наконец Архиепископу Иову ставится в вину... возобновление чтения акафистов святому Гурию! «В этих акафистах восхвалялся царизм, верующих призывали к борьбе с татарами. Наглая выходка вызвала всеобщее возмущение верующих. Они напомнили Иову, что в нашей стране пропаганда национальной розни карается законом, что ему должно быть совестно звать к борьбе с татарским народом, столица которого его приняла так гостеприимно. Иов вынужден был прекратить чтение акафистов». Вот какой вздор способны писать люди, которые, после войны 1945 года безжалостно сослали в Сибирь все татарское население Крыма! В начале статьи автор замечает без малейшего юмора, что Архиепископ Иов обладал «одной особенностью», а именно: «Он отвергал коммунизм, не признавал коммунистического учения». Несомненно, что именно за эту слишком ярко выраженную «особенность» и был осужден Казан-

ский Первосвященник, а обвинение в мошенничестве явилось только предлогом, при помощи которого советскому правительству легко удалось отстранить от дел одного из виднейших иерархов Русской Православной Церкви.

П. А. Струве

СЪЕЗД СТУДЕНЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СТРАСБУРГЕ

С 15 до 31 июля этого года в Страсбурге состоялся всемирный съезд Студенческой Федерации. Было около 700 участников, приехавших из 70-ти стран мира. (Организации: S.C.M., W.C.C., Y.M.C.A., Y.W.C.A.). Большинство студентов и докладчиков были протестанты, англикане, 20 чел. католиков («Рах Романа») и, около 30 чел. православных (ливанцы, сирийцы, греки, один индус) и копты (из Эфиопии); РСХД послало на этот съезд 3 делегата.

Тема съезда была «Жизнь и миссия Церкви». Вот как шла работа в течение 15-ти дней: каждый день читали доклад (иногда 2), вечером устраивались собрания для обсуждения докладов; кроме того были семинары, посвященные специальным вопросам, например: «Работа с беженцами».

Отец Иоанн Мейендорф, приехавший на съезд из Нью-Йорка, развил в очень интересном докладе православную точку зрения по вопросу: «Бог в Истории».

Для нас было ценно не только общение со студентами протестантского вероисповедания, но и с православными студентами, приехавшими из других стран. На собрании, посвященном «православной миссии», мы узнали, что срочно нужна миссионерская помощь в Аласке, в Уганде, в Финляндии, в Индии...

На этом съезде, имея непосредственный контакт с протестантским укладом церковной жизни, мы глубже поняли ценность нашей православной литургической жизни, но с другой стороны, мы сознали, что общение с инославными является необходимым опытом на пути исканий единства христианского мира.

И. З.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ РСХД

Что можно сказать, про летний лагерь этого года? Он был 17-м лагерьем, устроенным РСХД в Сент Теоффре (Франция). В лагере перебивало более 250-ти человек, детей и студентов. В юношеском лагере состоялся съезд старших отрядов (16-18 лет), на тему: «Счастье»; в студенческом же лагере почти ежедневно читались доклады на религиозные, философские и литературные темы.

Успешности работы в лагере, особенно способствовали дружеские взаимоотношения руководителей, а также живое общение с профессорами Богословского Института, которые, в своих ежедневных беседах, раскрывали молодежи богатства Православной Церкви.

И. З.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД РСХД.

22-23 октября состоялся осенний Съезд РСХД. Его особенность, по сравнению с предыдущими годами, заключалась в том, что на Съезде приняло участие по преимуществу молодежь. На Съезде перебивало 109 человек. Были прочитаны следующие доклады: «Молодежь и Церковь» —

П. А. Струве; «Пути к Богу — прот. Василий Зеньковский»; «О работе молодежи в Церкви» — К. А. Ельчанинов. Большой заслугой лекторов было то, что они по преимуществу коснулись конкретного положения нашей молодежи и отношения к Церкви, поэтому они и вызвали оживленные и горячие прения. Может быть можно считать ошибочным, что некоторые докладчики нарисовали довольно мрачную картину нашей действительности (церковной, общественной и семейной), но нам кажется, что неверно отворачиваться от прискорбных фактов (впрочем всем известных), ибо это совсем не способствует разрешению тех трудностей, с которыми повседневно встречается наша молодежь на своем пути к Богу.

Приходится только пожалеть, что на Съезде за литургией было сравнительно мало причастников, тогда как в прошлом, обычно значительное большинство участников Съезда приступало к Св. Причастию. Будем надеяться, что молодое поколение, проявляющее уже живой интерес к богословской тематике, осознает важность и необходимость и литургического участия.

Но это замечание не ослабляет общего прекрасного впечатления от нашей молодежи, которая именно в Церкви ищет разрешения своим трудным вопросам жизни, что и порождает большое чувство удовлетворения у руководителей, собирающих эту молодежь.

В. В-в.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ ОСЕННЕМ СЪЕЗДЕ РСХД.

17 сентября на Съезде лицейств, докладчики посвятили свои лекции анализу внехристианских ценностей, тогда как Съезд 22-23 октября был посвящен всецело теме «Церковь и молодежь», т. е., путям молодежи к Богу.

В своем первом докладе П. А. Струве дал очень глубокий анализ духовного состояния современной молодежи, и показал пагубные последствия исчезновения христианских основ в современном обществе. На следующий день прот. В. Зеньковский указал нам на различные пути духовной жизни христианина и закончил свой доклад призывом искать прежде всего правды в жизни, ибо каждый человек, служа правде, может найти и Бога.

После обеда, секретарь Юношеского Отдела РСХД, К. А. Ельчанинов, в своем докладе показал всю несостоятельность нападок современного марксизма против христианства и особенно настаивал на том, что христианство есть та сила, которая должна пронизывать и определять все формы жизни и деятельности человека. Любовь к Богу нельзя отделить ни от любви к своему ближнему, ни к жизни. Все доклады вызвали очень оживленные прения и для нас молодых было особенно ценно провести эти два дня в среде, которая способствовала углублению и расширению наших знаний о своей вере.

А. Краевич

ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ

у с т р а и в а е т

ВЕЧЕРНИЕ БОГОСЛОВСКИЕ КУРСЫ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Занятия происходят по пятницам от 20 час. 15 мин. до 22 час., в зале при Знаменской Церкви, 87, boulevard Exelmans, Paris-16. Métro: Exelmans.

Запись и справки у секретаря Курсов, Н. В. Остахновича, перед началом лекций.

ПРОГРАММА КУРСОВ:

Догматическое Богословие — о. Борис Бобринский. Богослужение — о. Алексей Князев. Православное учение о человеке — о. Василий Зеньковский. Новый Завет — Н. А. Куломзин. Учение Отцов Церкви — П. Н. Евдокимов. Западное христианство — Л. А. Зандер. Ветхий Завет — о. А. Князев.

Расписание занятий — 25 ноября 1960 г., 2 декабря, 16 декабря; 13 января 1961 г., 27 января, 10 февраля, 24 февраля.

КУРСЫ БЕСПЛАТНЫЕ.

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris-5°

Tél.: ODE 74-46; ODE 43-81

Книжный магазин открыт ежедневно от 9 ч. до 19 ч. без перерыва; по понедельникам от 14 ч. до 19 ч.

Ам. долл.

Очерки по истории Русской Церкви — проф. А. В. Карташев, 1959 г., в 2-х томах (1.300 стр.)	15,00
Воссоздание Св. Руси, 1956 г., 252 стр.	4,00
Ветхозаветная библейская критика, 1947 г., 96 стр.	0,85
На путях к Вселенскому собору, 1932 г., 142 стр.	0,70
История русской философии — прот. В. Зеньковский, 2 тома, 1950 г., 950 стр.	10,00
Апологетика — прот. В. Зеньковский, 1954 г., 260 стр.	4,00
Достоевский. Жизнь и творчество — К. Мочульский, 1947 г., 562 стр.	5,00
Александр Блок — К. Мочульский, 1948 г., 442 стр.	5,00
Закон Божий. Первая книга о православной вере, 1956 г., (2-е изд.)	2,50
Вторая книга о правосл. вере, 1949 г.	2,50
Третья книга о правосл. вере, 1950 г.	2,50
Четвертая книга о правосл. вере, 1953 г.	3,00
Пятая книга о правосл. вере, 1959 г.	3,50

Tous droits de traduction réservés. Directeur responsable P. A. Struve.

Impr. de Navarre. 11, rue des Cordellères, Paris

„ВЕСТНИК“

Русского Студенческого Христианского Движения

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОРГАН РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ
И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

XXVI-й год издания.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

Во Франции: Подписную плату просим вносить на почтовый счет Р.С.Х.Д.: C.C.P. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris 15°.

Подписная плата на год: 7,5 н.ф., с целью поддержки — 15 н.ф. Подписная плата на «Messager Orthodoxe» de langue française — 6 н.ф.

в Америке: Mrs Olga ... st. Apt. 3 W, New-Y

San-Francisco: M ... an Fran-

в Англии: Lon-

в Австралии: West,

в Германии: Ulm.

в Канаде: Str.

в Швеции: m, 6.

в Марокко: anca.

